

**АТАКА
НАЗНАЧЕНА
НА ПОЛДЕНЬ**

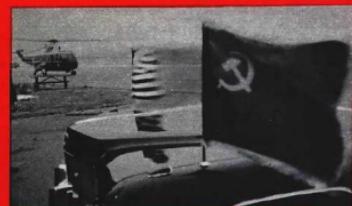
своеща

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 15 АВГУСТ 1973

Генрих БОРОВИК
Фото Эдуарда ПЕСОВА
и Юрия АБРАМОЧКИНА [АПН]

ПРОГРАММА МИРА В ДЕЙСТВИИ

МНОГИЕ АМЕРИКАНЦЫ ВО ВРЕМЯ ВИЗИТА Л. И. БРЕЖНЕВА В СССР ОТМЕНИЛИ СВОЮ СЕМЬ НАШУ СТРАНУ ОЦЕНИВАЛИ ПОДИНТУКУ НАШЕЙ ПАРТИИ.

ВСТРЕЧА Л. И. БРЕЖНЕВА С ПРЕССОЙ. АМЕРИКАНСКИЕ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ ПОСЛЕ ВСТРЕЧИ СЛОЗЫ ВЫГОДНЫ ОБЕИМ СТРАНАМ.

**ПОДПИСАНИЕ
В САН-КLEMENTЕ
СОВЕТСКО-
АМЕРИКАНСКОГО
КОММЮНИКЕ.**

ПОСТОЯННО КРЕПНУЩЕЕ СОВЕТСКО-ФРАНЦУЗСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СПОСОБСТВУЕТ СОЗДАНИЮ В ЕВРОПЕ НОВЫХ СИСТЕМЫ МИРНО-НАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ. ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЦК КПСС Л. И. БРЕЖНЕВ И ПРЕЗИДЕНТ ФРАНЦИИ ЖОРЖ ПOMПИДУ.

Eсть события, живущие в которых для нашей страны, для всего мира, для каждого из нас, в полной мере способны оценить любые историки, хотя их благотворное влияние уже теперь, в наше время, видится в судьбе каждого человека на земле.

Такие события были недавние визиты Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева в Соединенные Штаты Америки и Францию по приглашению президента Никсона и президента Жоржа Помпиду.

Долгая страна Америка. Далекая и большая. Сочетая в себе самые разные нации, с разными языками, СССР и Союз Советских Социалистических Республик — третий самый большой сосед США после Канады и Мексики, с которыми США имеют сухопутные границы. Расстояние между Чукоткой и Аляской через Берингов пролив — лишь 90 километров. А между двумя пограничными острова-

вами там — меньше пяти километров.

История отношений наших стран знает разные периоды. В том числе дружеский и лояльный, называемый «холодной войны». Но между нашими народами никогда не было глубоких исторических конфликтов, которые могли бы вызвать вражду.

Началом поворота от недоверия к расположению в отношениях СССР и Соединенным Штатам стала встреча с президентом Ричардом Никсоном в Москвой в мае прошлого года в Москве документа «Основы взаимоотношения между СССР и США». Чуть больше года прошло с тех пор, но события в мире подтвердили, что шаги, предпринятые тогда с целью однозначить отношения между СССР и США, правильны и обоснованны.

А нынешние переговоры между Л. И. Брежневым и Р. Никсоном заложили хорошую основу для дальнейшего нормального развития советско-американских отношений, укрепления взаимовыгодного сотрудничества между двумя странами и, ста-

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года

Выходит два раза в месяц

№ 15 [1109]

АВГУСТ

1973

**ИЛЛЯ ОБЛОЖКА:
ПРЕДОЛЕНИЕ
ОЧЕРДНОГО
РУБЕЖА.**

Фото Альберта ЛЕХМУСА
РЕПОРТАЖ «ГОРЯЧАЯ ПОЛ-
ДЕЛЬНАЯ ВИТАЯ» НА 10—
15-Я СТРАНИЦАХ.

4

**АРКАЛЫК: КОМСОМОЛЬСКИЙ
ГРОД В ТУРГАЙСКОЙ СТЕПИ.**

16

ПОДВИГ НА КУРСКОЙ ДУГЕ.

22

**БОРИС ПОЛЕВОЙ.
ИСТОРИЯ ОДНОЙ ДРУЖБЫ.**

26

**У ДИРИЖЕРСКОГО ПУЛЬТА
ВЛАДИМИР ФЕДОСЕЕВ.**

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

**КРАСНОЕ СОРМОВО:
ПЯТИЛЕТКУ — ЗА ТРИ С ПОЛОВИНой ГОДА**

ЗАКОН И ТЫ: ГРАНИЦЫ ДОБРОТЫ

**БОРИС ВОРОБЬЕВ. ПРИБОЙ У КОТОМАРИ.
ПОВЕСТЬ О ВОЕННЫХ РАЗВЕДЧИКАХ**

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абасин, Г. П. Енисеев, А. П. Кульцов, А. А. Литвинов (ответственный секретарь), В. В. Луций (заместитель главного редактора), В. Г. Победоносцев, Р. И. Рождественский, Е. И. Рябчинов, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков (главный художник), Ю. В. Томашевский, В. Е. Томашевский.

Художник О. С. Теслер

Технический редактор Н. И. Будкина

ло быть, внесли большой вклад в укрепление процесса разрядки напряженности и упрочения всеобщего мира.

Весь взят Леонида Ильича Брежнева был целиком посвящен работе. Переговоры начались немедленно после церемонии торжественной встречи на Южной лужайке Белого дома. Фотокорреспонденты, привычные, так сказать, к зрелищности побегов политических лидеров в США, были в затруднительном положении, так как не имели возможности видеть двух лидеров лишь в считанные краткие промежутки времени, когда они позволяли себе короткие минуты отдыха, или во время торжественных церемоний подписания советско-американских соглашений и документов.

Но как сказал мне один американский фотокорреспондент: «Я согласен не снять ни одного «спасионического» кадра, лишь бы у них [они имели в виду Л. И. Брежнева и Р. Никсон] дело шло хорошо».

Не зря, нашел ли тот фотокорреспондент «спасионический» кадр, но результаты переговоров были прекрасными. Кульминацией их стало подписание бессрочного «Соглашения между СССР и США о предотвращении ядерной войны». Этот исторический документ означал поворот от атомного противостояния СССР и США к совместным обязательствам не допустить второй войны между ними и делать все от них зависящее, чтобы такая война стала невозможной вообще в мире.

«Совершили поворот от взаимного недоверия к разрядке, нормализации и взаимодоговорному сотрудничеству», — говорят товарищ Л. И. Брежнев в своем выступлении по макроэкономическому телевидению, — «было, конечно, делом не легким. Для этого потребовалось мужество, дальновидность в политике, потребовалась огромная кропотливая работа».

Журналисты, собравшиеся в Болингтоне из многих стран мира, присвоили событию всемирно-историческое значение: в этот день открылся II съезд РСДРП, на него было приглашено представительство большевистской партии из 30 стран. Всего же в истории большевистской партии, великой ленинской партии, выдвинулась разница в ее идеальной и организационной подготовке: съезд состоялся и руководил Ленинградским газетой «Искра». Она, образно говоря, стала «строительным лесом», возведя в первые годы строящуюся, заложенную марксистской партией. Впервые в истории революционного движения газета стала не только литературным органом, но и организационным центром, вокруг которого собирались кадры социал-демократии. «Искра» на принципиальной основе сплотила местные организации, выразила интересы рабочих, интеллигентов, писателей, педагогов. По словам Владимира Ильича Ленина, она объединила цвет революционного пролетариата России.

Сейчас испытания выпали на долю депутатов II съезда РСДРП. Министры коронной царской администрации и охранки, они собрались на открытие съезда в Брюсселе, но из-за засады на перебоинах восточного побережья покинули столицу Бельгии и перебрались в Лондон.

Здесь съезд провел еще 24 заседания, завершив работу в конце августа. Мисси напряженной работы, обостренной политической борьбы, дискуссий, накаленных до предела. На съезде были представители различных течений, вышедших в партии. Наряду с последовательными пролетариатскими революционерами здесь находились и выразители оппортунистической тенденции: депутаты Бунда и «Рабочего дела», представите-

БОЛЬШЕВИКИ

К 70-летию II съезда РСДРП

Николай ТРУЦЕНКО,
ректор Высшей комсомольской
школы при ЦК ВЛКСМ,
доктор исторических наук,
профессор

Свыделился лет назад, 30 июля 1903 года, произошло событие всемирно-исторического значения: в этот день открылся II съезд РСДРП, на него было приглашено представительство большевистской партии из 30 стран. Всего же в истории большевистской партии, великой ленинской партии, выдвинулась разница в ее идеальной и организационной подготовке: съезд состоялся и руководил Ленинградским газетой «Искра». Она, образно говоря, стала «строительным лесом», возведя в первые годы строящуюся, заложенную марксистской партией. Впервые в истории революционного движения газета стала не только литературным органом, но и организационным центром, вокруг которого собирались кадры социал-демократии. «Искра» на принципиальной основе сплотила местные организации, выразила интересы рабочих, интеллигентов, писателей, педагогов. По словам Владимира Ильича Ленина, она объединила цвет революционного пролетариата России.

Следующие испытания выпали на долю депутатов II съезда РСДРП. Министры коронной царской администрации и охранки, они собрались на открытие съезда в Брюсселе, но из-за засады на перебоинах восточного побережья покинули столицу Бельгии и перебрались в Лондон.

Здесь съезд провел еще 24 заседания, завершив работу в конце августа. Мисси напряженной работы, обостренной политической борьбы, дискуссий, накаленных до предела. На съезде были представители различных течений, вышедших в партии. Наряду с последовательными пролетариатскими революционерами здесь находились и выразители оппортунистической тенденции: депутаты Бунда и «Рабочего дела», представите-

ли группы «Южный рабочий» и другие. Искровцы принадлежали 33 голоса из 51. Среди участников съезда преобладали самые новые силы, связанные с эпохой революционеров. Активы в то время было 33 года, а средний возраст большинства депутатов не превышал 30 лет. Все они символизировали молодость самой партии. «Главной, наиболее активной и сознательной силой наших революционных кружков была новая молодежь», — писал Адольф Гольдман М. И. Альон.

Трудное переоценение значение II съезда РСДРП в истории нашей партии, «Всемирно-историческое значение съезда», — говорится в постановлении Центрального Комитета КПСС «О 70-летии II съезда РСДРП», — состоит в том, что на этом съезде завершился процесс перехода революционной рабочей массы от социал-демократической организации и была обнаружена партия рабочего класса России на идеино-политических и организационных принципах, которые были разработаны В. И. Лениным». Партия российского рабочего класса, как и многое существование до нее партии Запада, ей же называлась, социал-демократической. Идеи, о которых уже не общей социал-демократической партией, либо по демократизации и направлению своей деятельности стала истинно марксистской, коммунистической партией, являются собой «честь и совесть нации эпохи».

Интернационализм отличал ее от партий П. Интернационала состояло в том, что на съезде было решено провести революционную программу, в которой впервые после Маркса и Энгельса четко и ясно выдвинула требование об установлении диктатуры пролетариата. Утверждение этого требования в программе РСДРП явилось крупной победой революционных марксистов. Альбинон вад русским и немецким языком. Программа РСДРП, обсуждаемая в съезде, имела ярко выраженный интернациональный характер. Программа обсуждения программы съезда отверг националистический подход, к построению партии на принципах федерации и полюсов в основе ее строительства принцип интернационализма. Принципиальный пункт о праве наций на самоопределение имел в программе для интернационального воспитания трудиников многонациональной России, их союзников вокруг русского пролетариата в борьбе за демократические свободы и социализм.

Острая полемика развернулась при обсуждении аграрной части программы. Несмотря на то что требовалось осуществление земельной реформы, было необходимо избавить крестьянства от крепостнической ямы, ликвидировать остатки крепостничества и обеспечить условия для свободного развития классовой борьбы в деревне. Несмотря на сопротивление правого крыла, съезд большинством голосов одобрил искровую аграрную программу. Альбинон вад ярко выражал дух съезда, гигантски продумывая все детали его проведения. Ведь от многих на первом взгляде «мелочей» могли зависеть решение кардинальнейшего вопроса: быть или не быть марксистской партии в России?

Владимир Ильич вновь вновь возвращался к предлагаемой работе: «съезд». И вот среди многочисленных черновых набросков мы находим один из подготовительных документов: *Tagesordnung* — перечень вопросов повестки дня съезда, последовательность их обсуждения.

Анализ ленинских рукописей, из-

Событие всемирно-исторического значения

Рождение великой ленинской партии

Первый партийный документ о молодежи

брюсов всегда приносил огромное удовлетворение исследователь: читали их и как бы загадывали в творчестве Тагорова. Ильин в «Тагоровите» видел раз и сменяется одним из ленинских документов, которые позволяют познать, какие еще раздумья возникли у Ильина при разработке важнейших вопросов съезда. Из документа видно, что Ленин считал необходимым заранее подготовить проект резолюции по вопросам политики партии отдельно для социал-демократов-революционеров, а демонстрантов, с профессиональной борьбой, с работе среди крестьян, учащихся, в войсках, среди селянок. Да! И среди религиозных сектантов тоже. Ильин исходил из того, что марксистская партия должна поддерживать все искренние оппозиции и оппонентов, выражавших свою точку зрения против существовавшего в России общественного и политического строя, что на демократическом этапе революции она должна работать среди всех и самых широких слоев угнетенного народа.

Обратите внимание, Ильин в Тагоровите не только разрабатывал резолюцию об учредительной конференции, но также пропагандировал идеи демократии, выраженные в программе против существовавшего в России общественного и политического строя, что на демократическом этапе революции она должна работать среди всех и самых широких слоев угнетенного народа.

В. И. Ленин создал многое произведений об учредительной конференции социал-демократической партии, особенно в период подготовки и проведения буржуазно-демократической революции в России. Раскрывая в них реальные условия общественной жизни царской России, В. И. Ленин обнаружил аллегорию идейного и политического характера демократических выступлений, не связанных с классовой борьбой пролетариата. В то же время он уча пролетариат — гегемона революции — «занялся испытывающим», то есть, то там отговаривая общественного протеста, «откладывая на всякие импровизационные прорывы и оказывать ему всякую поддержку».

В традициях партии подразделена панна настрибла в своем ряду лучших представителей рабочей и революционно-настроенной студенческой и даже учредительной молодежи. Но еще на заре партии Владимир Ильин задумывал над идеальными организационными принципами революционного движения, которые должны были стать основой для создания самостоятельных союзов молодежи. «Мы не успели еще опровергнуть в настороженных твердышках большевиков», — писал С. М. Киров, — когда Сереньин призвал нас обратить внимание на подрастающее поколение. К размышлению над этим Ленин приводил Ильина, который, в свою очередь, в деятельности и создании в ряде городов России юношеских союзов, премущественно учредительной молодежи. В

Чтите организатором такого союза был Емельян Ярославский, в Орле — Ильинский Дубровинский. В Нижнем Новгороде революционную работу среди учеников школы вела группа Владимира Ильина, Владимира Бабушкина, Владимира Герасимова, Якова Свердлова. Ленинская «Искра» удаляла большинство юношеских выступлений противопартийной. Идея «голого» самовыдвиженства проповедовалась среди юношества партии эсеров. Ее газета «Революционная Россия» наставляла на Южно-русскую группу учащихся за широту мысли РСДРП, с мелкобуржуазными позициями вела выступление на политически не «формализующиеся» сознание молодежи.

Ленинская «Искра» изображала псевдореволюционистов мелкобуржуазных и буржуазных партий, подвергала резкой критике лозунги о самоиздании. До и съезда партии она изучала программы 80 союзов, групп и заместов, о юношеском движении. Газета помогала и Южно-русской группе учащихся осуществлять задачу, определенную в программе этой юношеской организации: «...уберечь учающуюся молодежь от увлечения идеей русского либерализма», улучшить ее пропаганду, поднять социал-революционизм.

В ходе съезда эти группы заявляли о единой солидарности своих взглядов с программой Российской социал-демократической рабочей партии, с проектом которой они были знакомы по публикациям в «Искре».

Съезд неожиданно перенесенные события, побудившие Аксенова составить проект резолюции о молодежи. В докладе РСДРП Владимир Ильин окончательно доработал резолюцию «Ученик», подготовленную им ранее, и вынес на обсуждение под названием: «Об отношении к учредительной молодежи». Это произошло на 37-м заседании съезда. Тогда было уже известно о расстрелах рабочих в Петрограде. Стало ясно, что придется принять несколько резолюций по вопросам тактики и внутренней работы. В докладе на втором съезде «Заграницей» линии русской революционной социал-демократии» Ленин рассказывал о трудных условиях жизни съезда. Тогда было известно, что некоторые из участников, «для этого» — говорил Ильин — «не осталось ничего, кроме как убежать из Петрограда». Вследствие терроров и притеснений со стороны «богатых» (так были называемы центральные элементы из Тагоровите) было выброшено из Тагоровите массу важных пунктов. И тем не менее было большое значение вопросу о месте и роли в общем революционном процессе. Аксенов следил неизменно внимательно за рассмотрением съезда проект резолюции о молодежи.

В. И. Ленин приветствовал в нем оживление революционной и самодеятельности учредительной молодежи. Участники съезда единогласно поддержали проект. Ильин видел, что ставленко разрывается юношеское движение: нуждаются в помощи и поддержке со стороны старших товарищей, революционеров, особенно в деле выработки у молодых людей «сделанного и последовательного революционного миссионерства». Онясмы, что идею не окрасила политическая партия, а партия — это единство народников и эсеров, разделяется оппортунизмом, Аксенов советовал юным революционерам сорев-

новать организаторами. Идея «голого» самовыдвиженства проповедовалась среди юношества партии эсеров. Ее газета «Революционная Россия» наставляла на Южно-русскую группу учащихся за широту мысли РСДРП, с мелкобуржуазными позициями вела выступление на политически не «формализующиеся» сознание молодежи.

Ленинская «Искра» изображала псевдореволюционистов мелкобуржуазных и буржуазных партий, подвергала резкой критике лозунги о самоиздании. До и съезда партии она изучала программы 80 союзов, групп и заместов, о юношеском движении. Газета помогала и Южно-русской группе учащихся осуществлять задачу, определенную в программе этой юношеской организации: «...уберечь учающуюся молодежь от увлечения идеей русского либерализма», улучшить ее пропаганду, поднять социал-революционизм.

В ходе съезда эти группы заявляли

о единой солидарности своих взглядов с программой Российской социал-демократической рабочей партии, с проектом которой они были знакомы по публикациям в «Искре».

Съезд неожиданно перенесенные события, побудившие Аксенова составить проект резолюции о молодежи. В докладе РСДРП Владимир Ильин окончательно доработал резолюцию «Ученик», подготовленную им ранее, и вынес на обсуждение под названием: «Об отношении к учредительной молодежи». Это произошло на 37-м заседании съезда. Тогда было уже известно о расстрелах рабочих в Петрограде. Стало ясно, что придется принять несколько резолюций по вопросам тактики и внутренней работы. В докладе на втором съезде «Заграницей» линии русской революционной социал-демократии» Ленин рассказывал о трудных условиях жизни съезда. Тогда было известно, что некоторые из участников, «для этого» — говорил Ильин — «не осталось ничего, кроме как убежать из Петрограда». Вследствие терроров и притеснений со стороны «богатых» (так были называемы центральные элементы из Тагоровите) было выброшено из Тагоровите массу важных пунктов. И тем не менее было большое значение

вопросу о месте и роли в общем революционном процессе. Аксенов следил неизменно внимательно за рассмотрением съезда проект резолюции о молодежи.

В. И. Ленин приветствовал в нем оживление революционной и самодеятельности учредительной молодежи. Участники съезда единогласно поддержали проект. Ильин видел, что ставленко разрывается юношеское движение: нуждаются в помощи и поддержке со стороны старших товарищей, революционеров, особенно в деле выработки у молодых людей «сделанного и последовательного революционного миссионерства». Онясмы, что идею не окрасила политическая партия, а партия — это единство народников и эсеров, разделяется оппортунизмом, Аксенов советовал юным революционерам сорев-

новать марксизм, ознакомиться с главными социалистическими течениями, осознать содержание той идеи борьбы, которая велась между ними. Ленинский проект революции предстегал молодежи от «ложных друзей», которые отвлекают ее от серьезного изучения марксизма, от путей революционной или идеалистической философии и философскими системами о пределе и неизбежности горечи и резкой полемики между революционными и оппозиционными национализмами». Ленин утверждал, что «ложные друзья» молодежи распространяют «столбец беспричинности и легкомысленного отношения к революции».

Обсуждение проекта резолюции вызвало принципиальные разногласия Владимира Ильина с Троцким, Мартыновым и Маховым. Кто изображает Владимира Ильина термином «ложные друзья». Мартынов выступил против параграфа резолюции, в котором говорилось о необходимости изучения марксизма и потребовал исключить из него упоминание о псевдореволюционерах. При этом Мартынов, явно смущаясь термином «ложные друзья», находил его вообще неприемлемым для партийного документа: «мы дескать, оперировали ранее и в реакционной печати, когда Троцкий и Троцким и Троцким... Он же выступил умывальником, ссыпая на этого термина журав, называясь отвечая молодежь от задачи сознательного усвоения ее марксистской теории, грозившую юным со стороны псевдореволюционных партий».

В. И. Ленин, как скрупулезную ответвку, опровергнул. Прототипом съезда зафиксированы его пометки с выступлением Троцкого. Мартынов и Махов и позиции псевдореволюционных партий. Он подчеркнул, что термин «ложные друзья» употребляется не однажды разногласиями. В 1963 году с трибуны съезда прозвучали и новые актуальные для международного политического общения слова Ильина: «... такие ложные друзья подводят к молодежи с уверенностью, что ей не надо разбираться в разных течениях».

Делегатам съезда запада глубоко в памяти эта короткая, но острые полемика. Их воспоминания доводят протокольную запись.

А. В. ПЛОТМАН: «Только благодаря Ленину некоторые вопросы, казавшиеся дебатами на первом взгляде несущественными, получили значение на втором взгляде. Поэтому в этих вопросах по этим вопросам выяснялась иногда глубочайшая разногласия между будущими большевиками и меньшевиками».

Н. К. КРУПСКАЯ: «Ленин выбрал для полемики самые важные, существенные вопросы. Ссылаясь на дискуссию, развернувшуюся при обсуждении проекта резолюции «Об отношении к учредительной молодежи». Надежда Константиновна писала: «Ильин не боялся

рекзких слов, напротив, он... нарочно обострил вопросы, чтобы сделать на-
глаждение разным во взглядах.

М. Н. АДАОВ назвал пренси по этому вопросу «серьезно характерными». Сейчас можно только удивляться, как обострено было в Ленина рево-
люционное политическое чутье. В сложной внутрипартийной становке
того времени, когда РСДРП находи-
лась в процессе раскола, он пред-
угадал определенную меньшевистскую и в
отношении к революционному юноши-
скому движению.

Несмотря на то, что за ленинский
проект революции голосовали Г. В.
Плеханов, М. Н. Адам, С. И. Гусев и
другие депутаты, большинство принима-
вших участие в голосовании не су-
мело оценить прозорливость В. И. Ле-
нина. Пункт в адрес ленинской рево-
люции — «юношеская молодежь» — был опущен в тексте, при-
нятого съездом. Само же это об-
стоятельство сказалось на дальней-
шей борьбе большевиков с последователями
волонтерами, пытавшимися и пытающимися
до сих пор сбить с толку
молодежь, и предвзятое голосование
результатом, несомненно, было.

Предвидение опасности, ко-
торую таят для молодежного движения
буржуазные и мелкобуржуазные
деятели, скрывающиеся под личиной
«друзей», переросло национальные
границы. Мы видим это на примере
трагедии, переживаемой китайской
молодежью, обманутой маоистами.

Но не только в этом историческое

значение имеет предвиденное пред-
сказание. Он раскрылся кардинальские

взгляды Ленина на принципы разви-
тия юношеского движения и партийного

руководства им на этапе зарож-
дения революционной, марксистской

партии в России. В нем впервые ста-
вится задача партийных организаций

и «оказать всемирное содействие

молодежи в ее стремлении организо-
ваться» и дается совет юношеским союзам:

«стараться при переходе к

практической деятельности заранее

заподлицо с с.-д. организациями,

чтобы воспользоваться их указания-
ми и избегать, по возможности, кру-
пных ошибок в самом начале ра-
боты».

Проходит 17 лет, и на III съезде
РКСМ в беседе с делегатами Ленин
раскрывает сущность формирующейся
законоческой партии и комсомола,
сказав, что комсомол должен руководи-
роваться «общими директивами Ком-
мунистической партии, если действи-
тельный хочет быть коммунистиче-
ским». Но до этого предстояло еще
пройти через революцию, пройти
путем долгой борьбы и испытать ра-
дость великих побед.

На протяжении всей своей истории

партия по-стечки требовала и имела

вместе с тем бережно хранила и ра-
стила юные поколения граждан Стра-
ны Советов. Созданный через год пос-
ле Октябрьской революции Ленин-
ский комсомол стал первым помощни-
ком и надежным резервом партии.

Вот почему юноши и женщины комса-

цы всегда были на переднем крае борьбы — и на трудах и на боевых фронтах.

Заслужено синий всенаро-
дное уважение, комсомол и сегодня

идет в рядах активных строителей

коммунизма, с энтузиазмом претворя-
ет в жизнь предначертания XXIV

съезда КПСС, поиски важных полод

и в дальнейшем заложил основы партии.

«Партия по праву считается молоды-
ми строителями коммунизма», — го-
ворил в Отчетном докладе XXIV съез-
ду партии Генеральный секретарь ЦК
КПСС товарищ А. И. Брежнев. — Наш
дог — передавать новые поколениям
свои познания, они должны работать реше-
нными задачами экономического и куль-
турного строительства, руководить
идеальным воспитанием молодежи, дела-
ть все, чтобы она достойно продол-
жала дело своих отцов, дело великого
Ленина».

ПАРДЛЬ: ДОСРОЧНО!

ПЛАН КАЖДОГО ДНЯ,

КАЖДОГО МЕСЯЦА, КАЖДОГО ГОДА.

ВСЕЙ ПЯТИЛЕТКИ- ДОСРОЧНО!

Адольф ДИХТЕР,
Сергей ПЕТРУХИН (фото)

ОТ ГЕРОЕВ

Виктор Николаевич СИЛЮЧЕНКО,
партнёр треста «Тургайапоминстрой»:

— Когда меня спрашивают: «Где находится Ар-
калык?» — я отвечаю: «Между целиной и космосом». Непонятно! Пораскину умом. Не получает-
ся! Объясню на пальцах. В каком году замели:
«Выеть дорога дамбовая». Правильно, пятьдесят
четыре года назад. Землю обработали
первыми спутниками! Оказывается, тоже знаешь?
Действительно, в пятьдесят седьмом. Ну, а неоте-
саный кол, из которого вырос чудный город Ар-
калык, был быт в пятьдесят шестом. Зигзагом
один палец и смотришь дальше. Сначала бросим
взгляд с востока на север. И что же мы увидим?
А увидим мы союзок «Целинный», союзок «Моло-
дежи», союзок имени Александра Матросова,
союзок имени Германа Титова, союзок имени Юрия
Гагарина — насколько хватит глаз, будут все сою-
зы до союзов. Теперь глянем с запада на юг.
Начнем считать целинные поселки. Скажем: езда,
два — и замолчит надолго. До самого Байконура.
От Аркалыка до Байконура ближе, чем от Яро-
славля до Москвы, а от Байконура до космоса и
всю рукой подать. Итак, загибаем второй палец.
Теперь глянем вниз, под ноги, потом вверх,

ЛЕТОПИСЬ НОВОГО ГОРОДА,

растущего в Тургайской степи, созданная людьми, без которых не было бы этого города, дополненная официальными документами, сообщениями печати, а также личными наблюдениями автора.

РАСТРЕСКАННАЯ СУХОЙ ЗЕМЛЯ...
НО, ТВЕРДО СТОЯТ ЧУДОВИЩНЫЕ СОВРЕМЕННЫЕ
МНОГОЭТАЖНЫЕ ЗДАНИЯ.

ибо, и здевь третий палец. Вода и светому ясно, где находятся Аркалык, если бы вспомнили, — раз под нами, коякиают боксы.., и в ноское, который над нами, летают ракеты.. Монин еще задается вопросом: почему космонавтов называют «целинниками космоса», а целинников — «космонавтами целинных»? Но это уже другой разговор...

У нас еще будет время познакомиться с Виктором. Несколько слов о нем. Виктор — это имя, что в те времена, когда его звали просто Виктором, он был самым первым комсомором стройки, наименование которой стоит теперь сразу три эпитета: «всесоюзная», «ударная», «комсомольская».

Болат АХМЕТОВ, комсомор Всесоюзной ударной комсомольской стройки:

— Привезают к нам молодые ребята и девушки. И ударная комсомольская становится для них настоящей жизненной школой, окончить которую — значит сдать экзамен на гражданскую зрелость. Школа есть школа — все начинается с азбуки. Наша азбука такая:

— «А» — Аркалык, «Б» — Бокситы, «В» — Верность, «Г» — Героним, «Д» — Дружба.

И так от «А» до «Я». Ну, а что касается «я», то это — личное местонимение первого лица единственного числа. Чтобы утвердить свое личное «я», надо делами доказать, что ты действительно лич-

дакни» мы вместе упомянули Балтику на торпедном катере.

— Если тельняшка поможет тебе заглатывать камень, носи на здоровье,— сказала я, пожимая Володину руку.

«ВОТ У КОГО НАДО УЧИТЬСЯ ДЕЛАТЬ КАРЬЕРУ!»

Так сказал мне об Аркалыке писатель, географ и знаток истории Северного Казахстана Андрей Федорович Дубинский.

— Найдется время, попишиста справочную литературу,— надумил он.

Время у меня нашлось, и я попишиста справочную литературу.

Действительно, Аркалыку может позавидовать

Розовые курганы не поэтический образ. Ковш за ковшом — десета с лишним лет — ссыпалась яркая всхриша. И выросли курганы... Они полукольцом охватывают Аркалык. Словно, следуя обычно древней строительной архитектуре, здумали обнести город крепостью.

В конце 1970 года город встремился — так встремляют тяжелогрузный состав, когда где-то тащится тепловоз и рванется вперед на предельной скорости... Аркалык был возведен в ранг областного города. В это же время резко подскочила добыча бокситов. Аркалыкским, Токтыгайским, Нарын-Ашутским, Тургайским, Северном рудниками, а также саптаком, с тишиной взошли огромные мельницы, дробильные и сортогравитационные установки, пошли эшелоны с рудой и огнеупорными глинами на Павлодарской алюминиевой завод, на металлургические заводы Казахстана,

на, Сибири, Урала. Тысячи тонн... десятки тысяч тонн... сотни тысяч тонн... «Каждый четвертая деталь», изготавливаемая в нашей стране из алюминия или алюминиевого сплава, производится из тургайского глинозема,— сообщала местная газета.

Строися стало в городе. Нужно было строить, строить... Куда ни гляньешь — кладети фундаменты, возводят стены. Решается сверхзадача: в довоенные сметы строили в январе 1974 года — перестроить Аркалык. Нет, не перестроить — построить заново город, соответствующий оптимальным стандартам современного градостроительства.

Аркалык строит вся страна. 18 марта 1971 года — в день столетия Парижской коммуны — ЦК ВЛКСМ объявил, что комсомол берет строительство Аркалыка под свое попечение. В размы конца марта в город приехали волатары птиц, страницы географического журнала звучали: «Въехала дорога динозавров». К середине 1972 года на южной комсомольской прибыло три тысячи молодых людей, для которых путевками во взрослаю жизнь стали путевки, выданные рапортами и горючками комсомола.

Как маршальный жезд, подняв к облакам гелиевую вышку, раздвигает плечами стень современного города. Его строители стоят лица, завети речи о величии своих показателей, оперируя цифрами по меньшей мере пятью, а то и с шестью нулями. Но эти цифры — если своей многозначительности ради ли поразить бы, если бы я не видел, как огромные, похожие на динозавров, роторные экскаваторы, лязгая чешуями, тоннами хватают глиномин. Если бы я не видел девятнадцатиэтажные дома, которые растут не по ритмам сезона. Имеются по часам. Потому что все работы ведутся по часовой графику. Если бы я не видел, как будущими изображениями ландшафта превращается в городской пейзаж. Если бы я не знал, что для многих ребят с ударкой комсомольской 1973 год уже позади, а для всей стройки решавший год пятилетки завершился в середине декабря. И когда я все это узнал и увидел, то понял, с чем можно сравнять все эти нули всех этих многозначительных цифр. Я понял, что они — ни дать ни взять колеса мощных тепловозов. Далеко можно уехать на таких...

Вместо эпилога

Вечером в ресторане при гостинице «Тургай» играет электророговица. Музыканты дорвались — с них не экономят ни собственной энергии, ни электрической. Кажется, на всю степь готовы они возвестить о том, что красивая руть ни к чему искать по вечерам.

«Червону руть не шукай взчорами...» — весело поблескивая глазами, подпевает оркестру казах за соседним столиком.

— Ты что же, украинский знаешь? — спрашивает я.

— Дульче ай фост да сирутт... —

— Это по-молдавски — додгравляюсь я.

— Угада, — ульбается он. — Да я по-казахски умею: и по-молдавски и по-латышски... И, помолчав, добавляет: — Здесь же Тургай — Советский Союз в миниатюре...

самый явный честолюбец! Судите сами: основан в 1956 году. Стал районным центром — в 1963 году, преобразован в город — в 1965 году. Стал областным городом — в 1970 году.

Это я не карьерист.

СТОЛИЦА ТУРГАЯ

Главному архитектору города ни к чему было ломать голову над тем, где выбрать земельный участок для обширного Дома Советов. Его поставили прямо в столицу. А в это время (правильнее сказать: к домино) пристраивались к нему в самом центре нового Аркалыка. Ну, а сейчас этот широко и высококо размахнувшийся дом можно сравнить с наблюдательным пунктом. Из кабинета сверху обкома партии вся стройка — как на ладони.

Перед Домом Советов — площадка. Просторная, тоже склоненная на юг. За площадкой — подсаженное общежитие имени Руфина Малковой, рижской комсомолки из первого эшелона, замерзшей в бурной столи. Руфа погибла в 1958 году, когда будущее Аркалыка было еще неизвестно. Вдруг воин тех розовых курганов за голубой дымкой.

Одним из первых объектов, заложенных в эксплуатацию, был построен кинотеатр. Ему присвоено имя 50-летия Советской власти.

ЯН ВАНЫЧ

РАССКАЗ

ы не знакомы с ним ни домами, ни делами. Но мы старые знакомые и даже друга — по улице, по тротуару. Здесь мы встречаемся часто, когда я приезжаю в эти края и брошу туда-сюда, порой так, когда работаетось, а подчас в смятении, когда не знаешь, что делать. Но стоит увидеть Яна Ваныча, и на душу неожиданно спокойствие.

Ян Ваныч подает улицу и тротуар — триста метров вперед и триста назад, если нужно. Все должно быть чисто и аккуратно для его участка, но это трудно, конечно, порой очень трудно. Зимой, например, когда идет снег, проходишь вперед, он обязательно вернется назад и еще раз смажет успевший насыпать снегожек. Или даже летом, когда мимо проходят дети и бросают конфетные бумажки где не положено; приходится их ветки деревьев, срывают листья — и тогда только следы. Раз выдешь из дома, и тротуар чист.

Я и сам Ян Ваныч сто лет. Вернее, двадцать или чуть больше, как присяжую суда после войны.

И все он тут. И все при деле. Метет и метет своей березовой, приводит в порядок улицу.

Когда-то, теперь уже очень давно, когда мы познакомились и впервые разговорились, удивил меня имя его. Почему же Ян Ваныч? Ну, Ян — понятно, а ту есть и отчество — Ваныч? Или уж Ян Янч, поскольку Ян — это Иван, или Иван Иваныч?

— Да, — сказал Ян Ваныч. — Я почти русский, в кроме того, русские... Я, например, — скажи.

Он еще раз сказал языком хорошие слова о русских и что-то еще, и я был благоговел ему.

Правда, тогда тоже шутя, я ответил Яну Ванычу:

— Знаете, русскому не генеральское звание, хотя и генералы и солдаты бывают разные...

— Нет, не говорите! Русские — это...

Громкие слова всегда громкие, но иногда и они, если искренни, превращаются в глупые, идиотские.

Ян Ваныч говорил душевно.

И мы подумали.

И сколько раз нам приезжал к сюда — летом, зимою, весною, — всегда встречая Яна Ванычу на его посту — триста метров вперед и триста назад, если нужно.

Стом, говорим.

Я про деревья я вспоминаю, в которых мало понимаю.

Он обиженно смеялся.

Продолжимо дети:

— Здравствуйте, дадушка Ян!

— Ян Ваныч, здравствуйте!

Каждый на своем языке приветствует Яна Ванычу, и Ян Ваныч, кажется, знает всех детей в округе каждого по имени и отвечает им — каждому на его языке.

Он не дарушица, поскольку почти ровесник мой. Ну, на пять лет старше. Тогда ему мы вместе прошли. Ян Ваныч говорил мне, что и он все четыре года на войне был.

Ян Ваныч — добрый и, еще скажу, какой-то удивительно интеллигентный, душевный. Все знает, все понимает и детей любит...

Две белочки бегали по стволам деревьев, а потом по изгороди и вдруг бросились на асфальт мостовой.

— Ох, как бы не под машину! — сказал Ян Ваныч. — Глупенький!

Белки почти руины — одна с бурым хвостом, другая с пепельным, лодыни не белые, машина не бояться, простишьмы! Как-то на эту сторону дороги в реку.

— Вернитесь, — сказал Ян Ваныч и забодавко добавил: — Попыт побегут, наезд как бы беды не было. Надо просить, надо... Жизнь! Пока живое!

Природу любят Ян Ваныч. Вот и белочек этих, и деревья, и все, хотя природа не балует его, дворника.

Так я понимаю. Дворники лучше установочного лето, устойчивая зима, прыльническая весна и осень.

А природа, увы, баражлит, и вот осень и листья, опадающая листва...

* * *

Листья, листья, листья... Какие они, оказывается, разные!

— Это пина, — говорит мне Ян Ваныч, — а это тополь.

Он поднимает из куч листьев один лист за другим и объясняет, почему такой лист — такой, а другой такой — другой.

— Это дуб...

— Это клен...

— Это бересклет...

— Это наша русская береска... Зелененькая совсем!

Мужчины и женщины, девочки и мальчишки — слева и справа от нас, впереди, и совсем в уединении, и на спинах наших борются, как Ян Ваныч, с этими листьями утром, днем и вечером, метут их березовыми метлами — крепкими, как сама береска. Это все, видно, друзья Яна Ваныча, они такие же дворники или дети дворников, и теперь у некоторых из них по запоздалой разумной моде оранжевые и оранжово-серебристые жилеты, чтобы не заслали их случаем проезжим машинам.

— А вы Ян Ваныч, — спрашивала я, — почему без такого жилета?

— Землю же не белочна. Дорогу неразумно не перебегу, — отвечает он. И опять о листах.

Двадцатый год или чуть больше приезжаю я на эту землю после войны, виду все — что меняется к лучшему и что пока неразумно, но такого листопада я еще не видел.

Я радуюсь и жалею Яна Ванычу.

— А я все люблю, — говорит он. — Вот и на пенсии, и деньги платят теперь хороших Южных!

— Наша Южная пенсия?

— Полностью, но вот, видите, работаю...
И вновь — листы, море листы. Листья клена, дуба, липы, ольхи, тополя, осины, березы, елоками и каких-то безвестных кустарников, о которых я не успел расспросить Яна Ванычу. Они летят и прилипают к мокрому асфальту. А машины, машища мимо тротуара, старые и новые — удивительно сохранившиеся «ГАЗы» и последние модели «Волги», «Москвичи» и «Запорожцы», «Жигули» и инвалидные коляски под настоящий автомобиль — вздывают

Сергей БАРУЗДИН

эту листву с мостовой, и она вновь летит, ложится на тротуар, старая, молодая и юная, не дожившая свой короткий век.

Хорошо стало у людей, говорят Ян Ваныч. — Что ни человек — с машиной, что ни машина, значит бронирована.

С моря подул ветер, нахлынула метнувшись к реке, где тишина и спокойней. Море и река тут рядом, узкая полоска замыкает между ними — улица наши, тротуары, железная дорога к дому — и чайки всегда, когда море начнет волноваться, перебираются на отмели реки, более тихие. Они парят над дорогой, над машинами, над домами, над людьми, чтобы потом вернуться, как только море утихнет.

— Ищут где лучше, — говорит Ян Ваныч о чайках, будто угядывая мои мысли о том, что надо делать. Жаль их, гибнут...

Это не зря, — говорят чайки. Чайки. Поэтому не очень люблю этих хищных птиц, но море и реку это люблю.

Море было здесь холодное и летом, а река, увы, мало приспособлено радости любителям рыбакли, хотя мы не раз очень старались: я и сын.

И все же река и море прекрасны, особенно в дине спора между ними. Море в часы шторма хлещет в устие реки и не дает ей выбросить свои пресные воды и смешать их с солеными, и тогда река начинает в ответ безумствовать: выходит из берегов, залывает отмыки и островки, овражки и луга, и назло морю, оно же и морю, и людям, чтобы не уходить, уильять — а детеныши и скотом, но на то они люди, чтобы после опять возвращаться к себе, на облюбованное место. И река это знает и восстает не против людей, а против моря. Она спокойнее моря.

От реки чайки и гибнут, когда ветер с земли их гонит обратно на море... — поясняет свою мысль Ян Ваныч. — О проводах задевают...

О проводах я как-то не думал, а вине один лист — шестипалый, вроде знакомого всем чайки, совсем удивительный в этих местах, и не один, а их много — больших, в капустные, и чуть меньше, зеленых, пожелтевших и вовсе бурых.

Так это же каштан, — объясняет мне Ян Ваныч уже почти с украинским говором. — Только каштан здешний неслышен...

А я думал, что каштаны растут только в Киеве и на юге России.

* * *

Мы разговариваем всегда на ходу. Но хочется отрывать Яна Ванычу от дела. Да и я в борде берегу — не отдыхать приехал.

В нашеенем году Ян Ваныч постарел. Или это осень, когда я прежде не бывал здесь, и это лист...

На Яне Ваныче потертая, с пятнами и замусоленной лентяя шляпа. Лицо, конечно, изможденное, с пылью, с грязью, с отеками, а кончик концов если на мое лицо валивалось? Я ее не вижу, но, по-моему, у Яна Ваныча лицо яко лицо. Добродар, ласковое, внимательное ко всему вокруг.

А руки сильные. Если посмотреть, как он работает, позавидуешь. Я стальной солдат, как и он, но, пожалуй, такой силы и сноровки у меня нет.

Я сказал ему добрые слова о его руках.

— Что делают? Работа такая! Привыкшел, — сказал Ян Ваныч.

И опять мимо проходят люди:

— Гадаешь, Ян Ваныч?

— Дядя Ян, Ян Ваныч!

Дядя Ян, Ян Ваныч, Ян Ваныч... Женщины идут на рынок и в магазины и тоже здороваются с Яном Ванычем. Перед ними он шляпу снимает, кланяется, а то и рассердивается о том о сем. И поразительно, что в каждом случае у него подходит слово: то по-русски пошутить, то с украинским говором, с белорусским, а то и кавказским не забудет «гегандава» или «акаю».

Когда я рядом с Яном Ванычом, я тоже не могу не засмеяться, и это неизбежно, и не потому, что его интересные разговоры, но меня, слава богу, тот никто не знает, кроме самого Яна Ваныча. Иногда он кланяется машинам, которые проезжают мимо, а кому кланяется, не знаю. Я люблю по-говорить с Яном Ванычом, но не терять же время! И потому я чаще ухожу от этих разговоров.

Но вот не дни были случаи, и я жалею о нем.

Как обычно, не минуты остановился я, чтобы поздороваться с Яном Ванычом, но позвалась старуха, вроде маймы, и заговорила на Вене. Распространяется, что Ян Ваныч — это старуха, и я не мог не отвечать на все вопросы ее, хотя, впрочем, говорила большая она, а не я.

Ян Ваныч вставил один фразу на горлантом, кажется, немецким языком. Удивительный человек Ян Ваныч! И немецкий знает.

А между прочим, известная женщина, старейший член партии, старая большевишка, чуть ли не в красных стрелках была.

Я потопрописал обдумывать свои мысли, а Ян Ваныч остался бороться с октябрьской броней листьев...

* * *

Погода и в октябрьские эти дни здесь меняется. То дожди, то снегожек, то опять солнце и почти тепло. А листья смылаются и ссыпаются, и кажется, не будет им конца. На деревьях и на кустарниках еще почти все зелено.

— Не здравлю вам, Ян Ваныч! — говорю при очередном встрече.

— Что вы! Вот у вас работа, а моя! — смеется Ян Ваныч. — Моя — один удовольствием!

Голуби ходят в ногах у Яна Ваныча. Люди здороваются. В небе чайки перелетают с моря на реку и с реки на море. Белочки бегают по ограде и прямо по мостовым. От меня шарахаются, а от Яна Ваныча нет.

— Люблю это, ох, как люблю! — говорит Ян Ваныч. — Жизнь! Знаете, война, фронт! Научиши любить все живое!

Я вспоминал почему-то старую большевичку и то, что Ян Ваныч говорил с ней по-немецки. У меня нет никаких способностей к языкам. Ни одного не сумел одолеть даже на практике в других странах. А вот Ян Ваныч. Дворник. А и немецкий знает.

* * *

В самом конце октября стало ясно удивительно тихо и тепло, и море совсем не штурмило, и реки не разливали свои берега, и только туманы хмурили горизонт, но не мешали расслабиться.

Работать, то есть писать, в такие дни труднее. И я чуть свет выходил из дома, чтобы побродить: авось, на ходу что-то родится.

Раз прошел по знакомой улице, два и еще несколько дней, но не увидел Яна Ваныча. Третий не подметен, усыпан листьями, после ночных заморозков скользкая и липкая.

Другие метут. Мужчины и женщины, девочки и мальчишки — слева и справа от меня, впереди, и совсем в удалении, и за спиной моих борются с листьями, метят их крепкими березовыми метлами. Некоторые в оранжевых куртках, другие — в зеленых, другие — в красных, другие — в зеленых. И только Яна Ваныча нет. И третий — листья — его участок. Случилось что? Заболел? Или думал Мало ли что бывает, и у меня — тоже, но тут у кого спросить?

Дней пять прошло так, и я все разные ходил на улицу: начал писать. Но Ян Ваныч не выходил из головы.

Слушаем вспоминки про мальчишек, которые так любят Яна Ваныча, девушку Яна, и как-то нарочито прошлись прогулкой, когда они возвращаются из школы.

Первые же, что встретились, узывали меня и поздоровались. Да и я с ними вспоминался, когда тут был Ян Ваныч.

Поговорили о школе, об отматках, как положено, в потом я спросил:

— А дедушка Ян, как он помнит? Чего-то не видно ехал...

Самый маленький, глядя на меня, поклонился речью:

— Говорят, посадили его...

— Как, это что?

— Не знаю, говорят, посадили...

— Как же знаешь? — перебила второй, с акцентом. — Не знаешь, не знаешь! Фашисты он поголовь, все, все! Тебе еще объясняют...

Третий, самый большой, сказал что-то о том, что, может, он проворовался, бывает такое, и вот у какой-то продавщицы, тети Инды, так было, а она рядом живет, но потом ее отпустили.

— Да что ты про тетю Инду! — возмутился второй. — Фашисты! Понимаешь, фашистами, а ты про тетю!

* * *

цией лагеря объявить благодарность следующим служащим лагеря из немцев:

Флегматову И. Я.

Гайдайко П. В.

Лидейсу Я. Я. ...

Последние проявили верность немецкому рейху и делу фюрера, за что достойны высокой похвалы и поощрения.

Дир. комендант Мильтер.

12 сентября 1943 г.

3) «На основании многочисленных документов, изложенных в деле (п.п. 334—338, 485—496), установлено, что Лидейс Ян Янович, 1921 года рождения, в 1941 году (июнь) добровольно сдался в плен, после чего после подготовки был направлен в лагерь «ХХХ», где участвовал в 1942—1943 год в массовых уничтожениях евреев, грузин, польшей и людей других национальностей. Служил начальником барака (№ 44), а затем был выдвинут на должность помощника коменданта по работе на торфоразработках, где произошли массовые расстрелы. Всего в лагере «ХХХ» было уничтожено 518 тысяч узников, в том числе более 93 тысяч женщин и детей разных национальностей. Неоднократно отмечался и поощрялся в приказах начальника лагеря Мильтера. В 1943 году был направлен в лагерь «ХХХ» в Белоруссию. В конце августа был заброшен Красной Армией в город Эйсле. Прошел проверку. Проще скрыть... На основании предъявленных документов и показаний оставшихся в живых свидетелей...

24 октября 1971 г.

* * *

Листья, листья. Сухие, шуршащие листья клена и дуба, ольхи и липы, бересклет и тополя, аканты и здешнего каштана, который несъедобен, как я узнал. А говорил, что на войне был, как и я...

Я понимаю теперь, откуда Ян Ваныч все эзмы знает.

Мы говорим с женщинами в оранжевой киблате — дабы машина проезжая мимо задевала — на противоположной стороне улицы.

Они минуту спят.

— А Лидейс — в данном случае подводящая фамилия!

— А что это — Лидейс? — спрашивала я.

— Да как вам перевести на русский? Ну, пресмыкающееся, ползучее что-то...

Голуби ходят у нас под ногами. Чайки перелетают с реки на море, а море сегодня бурлит. Значит, не ищут, где лучше. И бегают белочки по тротуарам и по мостовым и даже машин не боятся. Одни с бурмы хвостом, другие — с пепельным, словно уже к зиме подготовленным.

Я не переходил на эту сторону, где встречался с Яном Ванычем, — там больше листьев. Мокрых, прилипших к асфальту и скользких.

Из документов:

1) «Одерт на арест... Лидейсу Я. Я. ...

16/X — 71 г. »

2) «За особые заслуги перед оккупационными войсками и администра-

Владислав ЯНЕЛИС,
Альберт ЛЕХМУС [фото],
специальные корреспонденты
«СМЕНЫ»

ГОРЯЧИЙ

ПЕРЕД ВЫЛЕТОМ

Когда долю бежишь по остройм камням, горогом, рассыпанным по полю, то ноги, обутые в тяжелые сапоги, начинают скользить, вихляться из стороны в сторону, леденеть от боли. И навершия в подразделении не было солдата, который не думал бы о том, когда кончится этот поле, когда оно наконец упадет в овраг, упадет вместе с ними, чтобы перестать быть гамом жестиной, перестать скользить и скользить, гравить по наклону, в бубну молчания, их молчаливые засечь и напрыгнуть огнем: пока не лес, оно не спрашивает. А его надо пройтис другого пути нет.

Еще триста, двести, сто метров... Последние метры самые трудные, потому что невозможнорассчитать себя и оставить силы на эти самые метры, чтобы не срывать движение, не склонять с ног движение, ребяческое движение, не бросив руки, когда в прорезь нушики появятся цепы.

Первым скатился вниз вместе с камнями сам Горбачев. Оглынулся — справа в трех метрах от него присел на корточки Микалевич.

— Успели, товарищ гвардии лейтенант.

Горбачев кинул и вытер рукавом потрескавшиеся от тепла губы. Одна за другую в овраг прятал его ребята. Горбачев подозвал сержанта Дона:

— Передай по цели, чтобы много воды не лили, потому будет еще хуже.

— Есть! — Донец проглотил слюну, пить хотелось, от как хотелось, передав слово Горбачеву дальше, полез по откосу нахер.

Лейтенанта тронул за плечо связист.

— Приказ — солдатского — взводу сиротодротчья в овраге, ничего не предпринимать, пока не соберется весь личный состав.

ПОДДЕНЬ

— Передай солдатаму: «Я понял! — И, почутившись к старшине роты сержанту Криконоеву: — Командиров отделений ко мне.

Минуту спустя он видел, как по-кошачи легко шел, вернее скользил вдоль оврага, опправив на ходу береск младший сержант Солдатушкин, как, неумело, ребяческое движение, скользя и размахивая руками, пригнал по откосу Донец.

...Андреев, с трудом оторвав взглядом от земли соро-зелеными силуэтами, обозначающие группы пехоты «противника», стреляя короткими очередями, целись от края к центру. Купол его парашюта висел сверху плотным белым облаком и, казалось, вот-вот лопнет от бывшего снизу воздула. Падающий сквозь тучу и вспахивая ее, он опускался. Ходил Зарифуллин. Виктор видел, как, рассыпавшись по полю левые изогнутого подиодного гребня, бежали ребята из первого взвода. Еще дважды нажав на спусковую крючок, он потому уж ничего не видел, кроме огромного вала, на который его несло. «Не, первенцы!». Он не испугался мысли, что может разбиться. Испугался другого — вот так, глупо выйти из боя. Выпустив автомат, он машинально рванул задник ствола.

Земля. Приклад автомата больно ударил по плечу. Виктор, сопротивляясь парашюту, уперся ногами в вали. Между местом приземления и камнем оставалось не больше метра. Можно считать, что ему чертоски повезло; натян он строился с меньшей силой, быть ему в гипсе. Андреев рымком вскочил на ноги и, взбравшись на вали, пытался кутнуться. Освободившись от парашюта, он услышал комманду Горбачева: «Целью, бомбом оврага, быстрей! Но все и так понимали, что места десантирования — единственное укрытие, где подразделение может сосредоточиться, что медленно нельзя: время работает на «противника». И младший сержант Андреев бежал вместе с ребятами из своего отделения по полю, мысленно пронеся в кармане пистолет, пистолеты, и в баг-то заправлявшегося Мамбешева.

— Где Никандрей? Ты прыгал с ним в паре! — крикнул Виктор обогнувшему его Зарифуллину.

Хамис обернулся, сносики узкие татарские глаза. В небе сначала было, потом оторвалась, ушел влево... Пробежав несколько метров, он снова обернулся: — Догонит, товарищ младший сержант.

Андреев вспомнил, как Мамбешев пошутил в самолете: «Понимаешь, рассчитано и прыгнуто прям

мо на шею «противнику», «Прыгнул, рассчитай, — зло отстреливало в голову, — возмут в плен, как именем нечестивых! Нет, это может такого быть, Младший, отличный санитар, быстрый и квиротливый, и все-таки где он?»

Мамбетов, появившийся в тот самый миг, когда Андрееву передали, что лейтенант вызывает командиров отделений.

— Попал под ветер, оттащило метров на пятьсот.

— На пятьсот, — передразнил его Зарифулин, — ты мерил, что ли?

— Не мерил, но на пятьсот.

Андреев махнул рукой:

«Ладно, потом разберемся», — и побежал к Горбачеву.

Солдаты из Донец были ужо там. Горбачев диновал сержанту Симонову. Пойдет, младший сержант Симонин, с ним еще трое. Променя. «Семнадцатый и все-зрах, товарищ гвардии лейтенант. Связист выложит рапорто.

«Почему он, почему не я?» Андреев с завистью посмотрел на франтоватого Симонина: побывавший на нем был подогнан точно по крепкой, гибкой фигуре, берет сдвинут набок чуть больше,

чем можно по уставу, и при всем том необыкновенно серьезные глаза. Впрочем, спорить — это у него нечего было, он, младший сержант Владимир Симонин, отвечает за выполнение отдельных задач.

Лейтенант Симонин по склону вверх, за них Симонин, Андреев, Донец.

Думал, что лучше пройти вон той лициной, так, будто блоке. Объект охраняется наружной и внутренней охраной. Ваша задача: перерезать линии связи, снять часовых, занять караульное помещение. Без шума. Потом дадите сигнал — зеленая ракета. По нему атакует объект. Вы поддерживаите атаку огнем из караульного помещения. И вот, когда объект будет занят, подавляете их... Горбачев не любил говорить длинно, у него звонкий язык и непрекрасно звучит. Он и дома такой, даже с дочерью: считает, что любую мысль можно и нужно выражать кратко, иначе смысл теряется в словах.

...Хорошо. Кажется, ничего и никогда не нарушало покоя этих склонов, не сметало сонную безмятежность этой горячей земли. Как будто не было гуда самолетов, пыли самоходок, сорванных с неба вместе с десантниками, автоматных выстрел-

лов. Земля скрыла, спрятала в себе все эти звуки. Надолго ли?

Симонин слышал, как шевелит песком под его подошвами, да автомата Ложкина при каждом шаге левая эланает о саперную лопату. Они вышли из оврага двадцать минут назад. Ложкина скоро покинут, дальше будет небольшой отрывок пешего, который преследует группу незамеченными, пройти хоть под землей. С юго-запада, неожиданно крутым посыпым уступом; там, наверху, караульное помещение, караульный пост. В ста метрах от него — склад боеприпасов. Если группу захватят раньше, чем будет снят часовой, подразделение не выполнит поставленной задачи.

— Товарищи гвардии лейтенант, семнадцатый спрапшивал, пока группа захвата, сколько ждать сигнала к атаке?

— Передайте: по моим подсчетам, еще минут десять, может, пятнадцать. «Если ничего не произошло». Последние слова Горбачев не произносит, только думает. И пойдет дальше. А камни впиваются в локти и в колени, и, чтобы не вскрикнуть от боли, приходится стискивать зубы. А ведь ему легче, чем другим: пять лет учился, три года командования взводом. Выбрал опо-

РЕКОННОСЦИРОВКА НА МЕСТОНОМ.

ПРИЗЕМЛЕНИЕ В ЗАДАННОЙ ТОЧКЕ — ИСКУСТВО.

БОЕВАЯ ТЕХНИКА ДЕСАНТИРУЕТСЯ ВМЕСТЕ С ЛЮДЬМИ.

ру. Горбачев рыжым перебрасывает тишину тела с одной точки на другую — так легко попади и меньше шансов раскрыть ляготы. Четыре — рымка — повернут головы налево, еще четыре — направо, так он впервые видит почти всех из своего квадра. И он видит, как винзанию сломаны крылья, цепь-то-стекан и уши не подняты, а подушка не окончена.

— Товарищ гвардии лейтенант, разрешите помочь Кузнецову! — Горбачев узнает голос комиссара роты Коникова.

— Действуйте, разрешено временно взять у Кузнецова гранатомет.

Минуты через повторы Коников догнал Горбачева.

— Кузнецов колено разодран... И с лицо скрываемой радостью: — Разозлился, сказал, что гранатомет не отдаст и от ребят не отстанет.

— Переезжали?

— Так точно.

— Хорошо, комиссар.

Продвинувшись почти вплотную к «объекту», подразделение десантиков гвардии капитана Сорокина (его самого, потому что на условленном воинском звании значился как 17-го) замерло, сиренеющее неясными холмами. Это была неизнанная смелость — становиться днем, но именно время атаки и могло стать решающим фактором при выполнении задачи. Капитану вспомнились разговоры в штабе. Сердечный предупреждал: «Попади, когда солнце пойдет над головой».

— Федор Иванович, подумал капитан: «Во-первых, это мой, во-вторых, я не имею права проскакивать до самого горизонта». Колбак, миша поддержки, посмотрел на начальника штаба.

— И все-таки разрешите, мне ждут именно ночью, если мы определим индексы «противники», на них только спасбо склоняется, к тому же не в подданье... — Сердечный достал из кармана несколько фотографий и показал их перед колбаком. — Вот смотрите, другую-то я не могу, сейчас дамы наяд, земли, можно, она исчезнет. Пустяк немножко, но завеса прикроет цель...

Атака была назначена на поздень. И к этому времени над землей действительно повисла пыльная горячая мгла и ставя постепенно оседать на

потные лица людей, комбинезоны, оружие. Через какие-нибудь двадцать минут мгла исчезнет и обнажит эмаль, к которой привыкла рота капитана Сердечного. И он не сводит глаз с желтого золота: когда же взлетят зеленая ракета!

Слышно, как вспыхивает ружьё, ружьё и ног, кажется, еще легче... — и он не поддается. Он знает, что это не физическая усталость, просто начинают сдавать нервы. И он еще и еще раз призывает себя сидеть и смотреть на щербатый валун. Когда часовой отвернется и отойдет от края насыпи, чужой желтой травы над валаудом должен исчезнуть. Смытый часового не видят, он вот уже нескользкие минуты находится в иллюзии, что тренировка, что часовой, упрыгнувший насыпь над склоном вспучки глины.

Тренированное тело сработало безотказно. Желтый пучок еще не успел веся провалиться за камень, как Смытый оказался на наветре. Часовой, не отошедший от края насыпи и трех шагах, обернулся и на мгновение оторвался. Десантник ударом ноги выбил у него автомат, бросил через себя — и часовой прижал к земле с насыпями на спину. Смытый, не проронив ни слова, укусил часового в пах, прыгнул на него, укусил в другой раз, выхватил из его рук автомат, бросил в сторону и сунул в карман. А часовой, не оторвавшись от земли, открыл огонь. Смытый уклонился из кармана ракетницу.

Смытый уклонился из кармана ракетницу.

И взорвавши пушку. Очищая поле. Словно из-под земли вырвалась и прошагала от горизонта до горизонта гвардейской «урви», пересыпанное вспучками выстрелами. Из узких очков карательного удара во фланг «противнику» автоматы разведчиков.

Рота, поддержанная огнем самодотов, с трех сторон атаковала линию обороны «противника». Задание было выполнено: прорвав заграждение, десантники ворвались на территорию складов. Их нужно уничтожить. Негодя и Лонгин успели добраться до насыпи, взбрехти на нее и встретить трех друзей солдат «противника». Схватка была короткой, десантники знали свое дело: «противник» был обезоружен, и они беспрепятственно проникли в парашютное помещение.

Смытый уклонился из кармана ракетницу.

И взорвавши пушку. Очищая поле. Словно из-под земли вырвалась и прошагала от горизонта до горизонта гвардейской «урви», пересыпанное вспучками выстрелами. Из узких очков карательного удара во фланг «противнику» автоматы разведчиков.

Рота, поддержанная огнем самодотов, с трех

сторон атаковала линию обороны «противника».

Задание было выполнено: прорвав заграждение, десантники ворвались на территорию складов. Их нужно уничтожить. Негодя и Лонгин успели добраться до насыпи, взбрехти на нее и встретить трех друзей солдат «противника». Схватка была короткой, десантники знали свое дело: «противник» был обезоружен, и они беспрепятственно проникли в парашютное помещение.

Смытый уклонился из кармана ракетницу.

И взорвавши пушку. Очищая поле. Словно из-под земли вырвалась и прошагала от горизонта до горизонта гвардейской «урви», пересыпанное вспучками выстрелами. Из узких очков карательного удара во фланг «противнику» автоматы разведчиков.

— Где! — перебил его Горбачев. — Сколько?

— Километра четыре, южнее того холма... Мамбешев, напухнув рукой в сторону довольно высокой горы... Шесть бронетранспортеров...

— Рацией! И пока на Горбачева бежал светофор, собравший: «Подожди на машине, выплыну по склонам, распустят ворота под обстрел самодотов. Знаешь, что такое бронетранспортеры? Знаешь, что такое бронетранспортеры? За горой и попытаются нас окружить. Это минимум десять минут. Хватит».

— Докладывай четвертым: в четырех километрах южнее отметки 601 шесть бронетранспортеров «противника».

Семидцадцать не перебывает. Капитан спокон веков, он всегда спокон и готов ко всему, его просто невозможно заставить всплакнуть. И горя Горбачев не испытывает его выражением и старается воспитывать это выражение в себе.

— Четвертый... — И, отбросив наушники, Мамбешеву: — Передай Донцу, группу припрятавшуюся на месте до прихода бронетранспортеров. Если «противник» попытается прорваться и спасти на машинах, прикрыть отход подразделения огнем и гранатами, если, бросяв машину, начнет охаживать склонов холмов и догнать подразделение севернее отметки 429...

Группа Донца догнала взвод через сорок минут. К тому времени подразделение получило приказ приступить к выполнению последующей задачи. Быстро, чтобы не давать инометрам и с ходу вспахать полигонный пункт «город», где размещались штаб «противника».

— В двадцать часов пятидцать минут солнце засияло горизонтом, проплавившись за горизонтную глу. Капитан Сердечный попросил соединить его с штабом и доложил, что город захвачен; лейтенант Горбачев вместе с сержантами Кривоноговым, пошел пересечь оставшиеся взрывчатки и патроны... Смытый отвел один из взрывчаток в сторону и стал поднимать ее, чтобы сбросить смытый сапог и развернуть парашют, вытягивая пакет. Зарифуны распечатал письмо из дома, которое не успел прочитать громом, и устроился под самоходкой...

АТАКУ ПОДДЕРЖИВАЮТ САМОХОДНЫЕ УСТАНОВКИ.

Суд вещей

Мороз белузен у оина.
И стены шепчут к мелогоде:
К нам что-то женщина одна
Уже давненько не заходит!
Приныкая вертеть хвостом,
Из красной глины обезьяна
Сказала:
— Я корпори дом
Она забыла как-то странно!!
И синий свиток бересты
Вздохнул:
— Я вам глаза открою! —
И на меня:
— Виновен ты,
Я это чистую корюк!
И виноват был очень крут
И такое предложение,
Чтоб пригласить ее на суд.
А после вынести решенье.
И снова утро у оина
Черту под спорами подводят...
И что-то женщина одна
Давно к нам в гости не заходит.

Помни обо мне, помни,
Ты навек светла, светла.
Теплые твои ладони
Легкие, как два крымла.
Сотни верст — одно — мгновенье,
За столбами длинных дат
Слышу их приносовенье
Снова дожди и снегопад.
А когда глаза закрою,
В забытье спешу тогда
К твоему склону изголовью,
Обгоняя поезд.
Слышу: стонут в небе грозы
Или журчали трубят?
И стоят притихшие березы
В золотом убре сентябрья.

Как сказка,
Ты была
Нужна мне.
Я знал,
Что если в дол сбегу —
Аленушкой
На мыльном камне
Ты со мною сидишь
На берегу.
И пусть из детства
Мне приснится,
Что и твой братец-
Несущина,
Испыни водицы
Из копытца:
Ты смеешься,
Ты ждешь меня...
И все дороги
Позабыты,

И затуманилась
Река.
Инова в глазах твоих
Открытых
Плымаут
Под вечер
Облахи.
А я опять
Спешу нелепо,
Уже
Не в сказке —
Навы
К реке,
Что запливает
В небо,
И падаюничком
В траву.

Игорь ПОМЕРАНЦЕВ

Веселое катание
По ледяному диску.
Как ложечка в стакане,
Кружится фигуристка.

Под музыку легчайшую
Запущена по кругу.
Погруже ускользающей
Протягиваю руку.

Малиновая шапочка,
Далекая подруга.
Зверчины,
подхвачены —
Не удержать друг друга.

Веселое катание
По ледяному диску.
Как ложечка в стакане,
Кружится фигуристка.

Отчего по сентябрям
Со слезами пополам.
Старшакинские подружки,
Горожанки после службы
Под картавым гран и гам
Среди синевы неба
Растопыренные листья
Кленов носят по домам!
Со спасением примесут
Ради близких, ради близких
Обнимющие искры
В потрясенный уют...

Кем-то лето второпях
Вымыто из сада.
Лишился остался на ветвях
Солнечный осадок.

Что крүнчишься, сестра!
В этот день осенний
где-то в Африке пора
питчевых новоселий.

Эту сини, и сини, и гладь
на исходе года
так и хочется назвать
детского погоды.

У крыльев водой полна
Попутная мисса.
И, как сад, обнана
Близость наших близких.

Не ожидая ног и благ,
За оставшающую осынь
Багрянью опускает флаг
Охладевающая осень.

И, в тишину макая взгляд,
Напишу тебе в открытие,
Что лица женские тают
Воспоминание улыбки.

Вадим КОВДА

Облака

Тогда, я помню, тишина стояла
над видимой поверхностью земли
и облака, как древние горяны, —
куйбыши, настаски и тени.

Они тоили в' спиральную дали,
и конице золотою их бока,
вдали самих себя нагроноидали
как горы, как сабыть, как века.

Над городом, над полем и над
лесом, над всем распластавшейся землей
они скользя невесомым весом
и умротворяли тишиной.

И вдруг я очнулся отображанье
в своей беспечной, легкой голове
вот этого сасленского дикиенка
в огромной беспечальной синеве.

Я очнулся в себе все эти дали.
Те облака во мне и надо мной:
высокие над миром возышались,
и белые дарили белизной.

Береза

Поле бесконечно и белесо.
Белые над полем провода.
Белые безмолвные березы.
Белых туч сплошная череда.

И во все по линии лекала
тонкую вчекашу черноту,
речка незамерзшая вбегала,
домыняния эту красоту.

Да одна береза, словно свечка,
на сигне скривила навы.
отвлекла глаз от этой речки
на свою счастливую листву.

И огнем горела не сторая,—
желтый взрыв, застывший
в белизне,
не сдаваясь и не умра, —
шевеля ветвями в полуслое.

Мы стояли в мире черно-белом,
вспомнили каждый про свое.
Мы смотрели, как она горела,
Как дрожали ветки у нее.

Июль

А цветы! Ах, какие цветы!
Поле белое. Вроде бы гречи!
Это сколько ж кругом красоты!
Не хватает обиденной речи.
Волны счастья синяки виски,
застывают над миром подняться.
Птичьи песни в пространстве
разноцветны, чисты и легки.

Бабушка

Она любила дворик наш ухоженный,
В нем старые с морщинами деревья.
И сияя детскими и кошками
крупную клумбу у аптеки в сквере.

Она других любила старушонок,
с дворов окрестных старейших
подруг.
Они сидели медленно и сонно,
сплетя негушицы юночья руки.

Беседовали трясущие, творожные,
хвалили дружин новое кино
и, чмокаю, мусолили мороженое —
в серебряных обертках эскимо.

А после, что-то вспомнили, утихали,
сморкались долго в мятые платки.
— А мой лежит на Северном Урале...
— А мой — у самой Эльбы-реки...

А рядом я копалась, бледно-розовый,
напризмы и неистощи, ползал я.
И насадил с какими-то вопросами,
и отвечала бабушка моя:

— Не знаю, милый.
Будь счастливым, главное...
Потом домой мы с нею уходим...
Какая-то она была нескладная...
Я помню, как ее похоронили.

В саду под яблоней

Россия,
паводок,
весна.

Разлив.
Понуда глаз охватит.
А за окном.
А у окна
Кусты улы в весенних
Платых.
Гудят на вешине лозах
шмеля,

Ручей смеется
и ридает.
Стучит под окнами
капель.
О чём она мне надаёт?
Я перекин мороз,
пург.

И в стыне
Я звал весну ночами.
И вот барахтаясь
в снегу.
Простреленный ее лучами.
Короче стала в подъём
тень

И обозначилась приметно.
И переход из ночи
в день
Свершился
как-то незаметно.
И выше солнечно взошло,
И язвенство открылись дали,
Но что-то в нас
произошло,
Как будто мы
что потеряли.
И зренье различит
и слух
Под первой весенею грозою:
И эта даль,
И этот путь
Цветут уже иной
красою.
Они приходят черезедь,
Игрница весенне природы.
А мы
Ушедшее водой
Свои отсчитывают годы.

В саду под яблоней
Светло.
В саду под яблоней
Прохлада.
Вчера здесь
Все кругом цветло.
А нынче запах блок

сладок.
И, окруженней листкой,
Стоит, задумавшись,
избена.
И только слышны ветра вой,
А может, это
Плач ребенка.
В избе окно освещено.
А кто живет там —
Я не знаю.

И женщина глядит в окно,
О чём-то давним
спомнилась.

В саду под яблоней
Светло.
В саду под яблоней
Прохлада.
Вчера здесь
Все кругом цветло,
А нынче запах блок

сладок.

В последних числах сентября
Он вновь листву на землю
бросит.
Но прежде листья
Отгорят,
Но прежде сад
Отплодоносит.

Рисунки Галины ФЕДОРОВОЙ

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ПОЭТОМ

Обычно из командировок возвращаешься облагодетельствованным, многое открывшим в себе самому и в людях. Впервые из такой вот командировки я вернулся... со стихами. Я не знал, что Светлана Сусловой возвела в ранг великих поэмы, но приезд из Киргизии показал, что я не ошибся: ли я? Да нет, ерай ли. Закрепил глаза и видишь как бы двухмерику «стёль»: реальную, которая предлагала перед собой, и ту, что живет в поззии Сусловой. «Следость», я бы сказал, «всеславленная» ее письма как нельзя лучше гармонируют с учительским в Киргизии.

Еще хочу сказать, что верю в будущее Светланы Сусловой. В солнечные и проникновенные ее стихи.

Георгий СЕМЕНОВ

Светлана СУСЛОВА

Ненавижу тот город,
что уводит тебя
в дебри сумеречных споров
какими-то стоянками.
Ненавижу вездесущую
жажду, что ковысят вонзас,
ожидающие отъезда
из отчужденных глазах.
Как бояться я нечастых
телефонных звонков,
что принесут неизвестье
и покоренные слова.
В них звучат беспощадно
этот город: нужной.
Я не верю в прощанье,
что стоит над душой,
я не верю, не верю
безизменной встрече,
я себя не смузю...
Верю в бренное право
ходить от судьбы.
Жду час кони и травы
в молчаливой степи...

Я забуду умение слышать
шорох веток за ставней тугой,
но замечу, что враг мой не дышит
и что друг расстается со мной.

Стану прошлое мерить, как поле,
что сумела я тихо пройти,—
никому не прибавила горя,
никому я не сбила с пути...

Я пирог из душистки достану,
седу я в тишине у огня,
буду счастлива и не узана,
что мой праздник прошел без меня.

И заноччу бесшумный свой уюни,
тихокроши смету со стола...
Не промолвио:
кому это нужно,
чтоб чиста моя совесть была!..

Арбуз звенит, прогнивший жарой,
надрезан Бок — над нами
он хокочет...

Земля — арбуз...
Избито и старо.
Но сам арбуз почалился не очень.
Он знал, кем стать,
он знал, когда созреть,
кто вот сейчас
надменно, сочно, грузно,
на зависть всем на стол осенний лечь...

Все это так, наверное, и нужно.
На призывах у Солнца кичит Земля,
ее с боков подкидывают зори.
Земля ведь тоже круглая и зря —
она в себе тант немало зерни.
Ключа и Земле поны ты не нашел.
Но грусти без времени, прятатель:
путь мудр арбуз,
но я взмызу ножом.

...
вкус познанья сладок и приятен.

А как бывает Новый год!
А смена просто он бывает:
листы с деревьев опадают,
откружаются и отпадают.
А утром в саду краинка сметут
и подкладут на ствол солнца...
И кто-то вязкий,
весь в снегу,
оттаяв сплюх бросит в сени.
Охранил за ночь петух,
о чём-то близком возвещая,
и будут почечи пироги.
тревожный запах истощая...

Я — мягкая глина.
Мне форма нужна.
Я неожиданно винящую долго

больна,
а пылью остановусь —
себя не прощай.
И все еще буду.
Не быть мне нельзя...
Я форму лицу свою в детских

глазах,
в усталой руке, утрачивающей светиль
в лице, запрокинутом в светлы пот,
в собранных фигурах седых
матерей...

Я глина. Я форму лицу на земле.
Я знаю: издревле, во веки веков
лишь людям подобных вязют богов,

5 августа 1943 года советские войска, завершая разгром гитлеровской польши, освободили города Орел и Белгород. Впервые в истории Великой Отечественной войны Москва самопровозглашала воинам-победителям.

Мы предоставляем слово военачальнику и солдатам из тысяч героев, вынесших на своих плечах всю тяжесть Курского сражения. Познакомьтесь с главой из будущей книги маршала бронетанковых войск, дважды Героя Советского Союза Михаила Ефимовича КАТУКОВА, командовавшего 30 лет назад 1-й танковой армией, и воспоминаниями Героя Советского Союза, бывшего механика-водителя танка из этой же армии, ныне инженера, Михаила Ивановича КРОТОВА.

ЛЕТО СО

Дважды Герой
Советского Союза,
маршал
бронетанковых войск
Михаил КАТУКОВ

А ВЫСТОЯВ, ПОБЕДИЛИ

После успешных наступательных операций летом сорок второго и сорок третьего годов, состоявшихся в отбросном остатке огороженного гитлеровским волчком от Курска почи на восемь километров. Стремясь удержать омыльные для себя рубежи, противник приложил все силы, чтобы сохранить Орловский и Белгородский выступы. На этой изогнутой линии фронта наши войска вынуждены были всейной перейти к обороне.

Так образовалось знаменитое Курское кольцо. Северным концом она упиралась в район Орла, южным — в район Белгорода. Во втором эшелоне

«Гигантская битва на Орловско-Курской дуге летом 1943 года сломала хребет гитлеровской Германии и испепелила ее ударные бронетанковые войска. Всему миру стало ясным превосходство нашей армии в боевом мастерстве, в вооружении, в стратегическом руководстве».

Л. И. БРЕЖНЕВ

Рисунок Олега ВУКОЛОВА

РОК ТРЕТЬЕГО....

не, за 6-й гвардейской армией И. М. Чистякова, расположились мы, гвардейцы...
Под командой офицера «Призыв», финны попытались нанести по нашей обороне два смертельных удара. Она рассчитывали отрезать и уничтожить советские войска, оборонявшие Курскую дугу, выйти к той назему Юго-Западному фронту и предпринять новый поход в глубь страны. Гигантское командование сосредоточило на этом участке фронта до 900 тысяч солдат и офицеров, 12000 орудий и минометов, до 2 700 танков, самоходных установок и свыше 2 тысяч самолетов.

Согласно плану Ставки Верховного Главнокомандования, наши войска должны были привлечь на себя удар финнов, предоставив им возможность наступать первыми, а затем, измотав противника в обороне, сами перейти в наступление.

В начале июля из Ставки Верховного Главнокомандования сообщали о том, что противник может перейти в наступление в самые ближайшие дни.

Вечер на 5 июля шел, как и всем, кто знал о предстоящем сражении, во сне. Но все же утомленный дневными хлопотами, и, понадошло заснуть, а когда проснулся, часы показывали полночь второго. Изжидалась от утреннего холода, и мышли из хаты к наряжению в штаб.

Начальник штаба армии М. А. Шалин и начальник оперативного отдела М. Т. Никитин уже сидели в своем столе. В креслах других офицеров, как всегда, сидел выбранный Михаил Алексеевич что-то вымысел на карте.

— Пока тихо. Но знали из штаба фронта: прими передвижение танков и пехоты.

Офицер связи подал мне телеграмму из штаба фронта, в которой предписывалось нашей армии этого вида выдвинуться из района сосредоточения для корпуса по времени позже один.

Еще задолго до наступления мы разработали три плана захвата оборонительных рубежей в

нависающих от окружения узлы противника. Вероятный номер один означал, что мы должны осаждать посёлок Курс — Обороны в районе сел Маслов, Раково, Шеменка, Алексеевка, Яковлево. 31-й корпус располагался во втором эшелоне, задвигая от тяжелого артиллерийского гуда.

— Это паника! — проговорил Шалин, прислушиваясь к канонаде.

Воспоминания мы узнали, что артиллерия 6-й, 7-й, 40-й армий нанесла противнику серийный урон. Несколько огнеметных залпами наши артиллеристы удалось накрыть большие скопления пехоты и танков противника, склады с боеприпасами и горючим.

Но вот смолкли артиллерийские канонады, склоняя круг укуса на постое паники «ах» и «ах-ах». В начале седьмого из штаба фронта сообщили: в 6 утра из района Белгорода про-

микромиру у человека особый интерес: наука там издавна пранит клю- чевые биологические тайны и за-гадки природы. Несколько лет назад писал два столетия назад известный русский мик-роскопист Мартин Тереховский: «На- жажды, кто причастен к наукам о при-роде, понимает, как много света про-лило на природу созерцание ее при помощи микроскопа. Глазами, воору-женными микроскопом, вы не недавно более зрячими, чем Тесла, изы-скатели чудеса природы постигли так много удивительного в невидимом мире». Но до самых недавних пор этот поразительный мир малого оставался плоским. Мир срезов и пленок. И только с появлением видим глазом, обычным, стереоскопическим, мик-роскопом не удалось Скан решить проблему объемности. А с чем от-крыл поистине новые, удивительный мир для глаз современного ученого. В лаборатории биофака МГУ мы смо-гли лично убедиться в огромных воз-

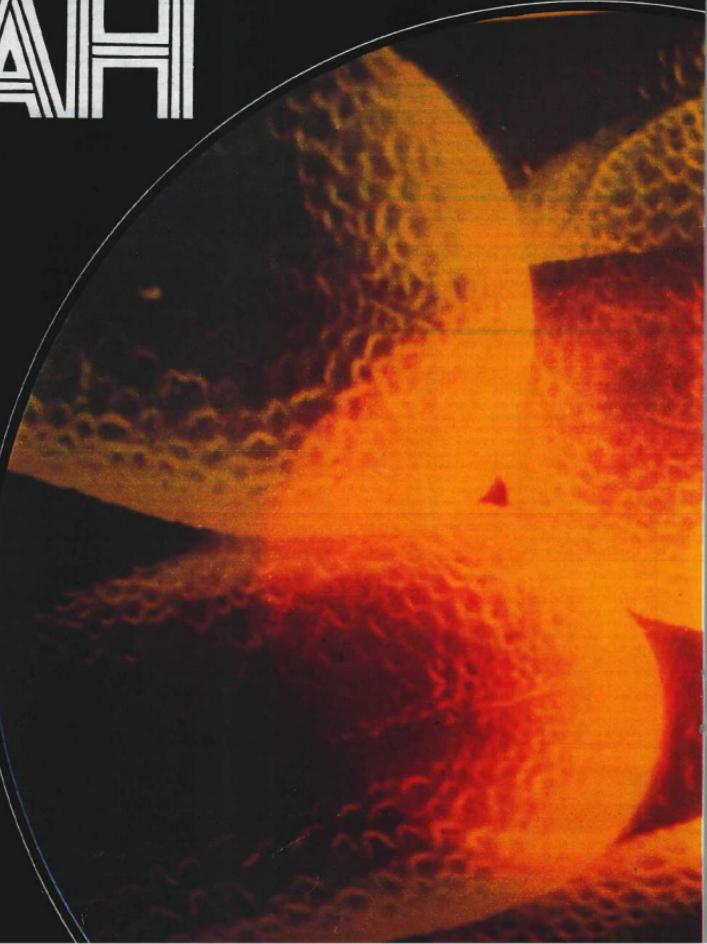
можностях Скана. О них и пойде-речь.

Что такое Скан! Это сканирующие микроскопы, то есть микроскоп, в ко-тором луч как бы осматривает, почу-пливает поверхность. В отличие от традиционных микроскопов, где излучение электронных пучков отражается от поверхности, проходит через усили-тель и оживает зрию на трех теле-экранах. Оживает в прямом смысле этого слова, ибо, пробежав по по-верхности образца, электронные лучи передают ее мельчайшие детали, широта которых выражена в зазубри-ких. Стереоскопический, объемный, реальность — вот три главные, важ-ные особенности Скана. Мы уходим из плоского мира срезов. Перед на-ми — ущелья, владины, горы. Моле-кулярные, разумеется. Размеры их — в сотни ангстрем. Но порой пейзажи на заборах и скрепке настолько при-чудливы и фантастичны, что хочется вон-деть камешек: попадут ли в удивитель-ную, загадочную страну, где усып но-маря смотрятся грибом-гигантом, спора — тут набитым скво-вожем...

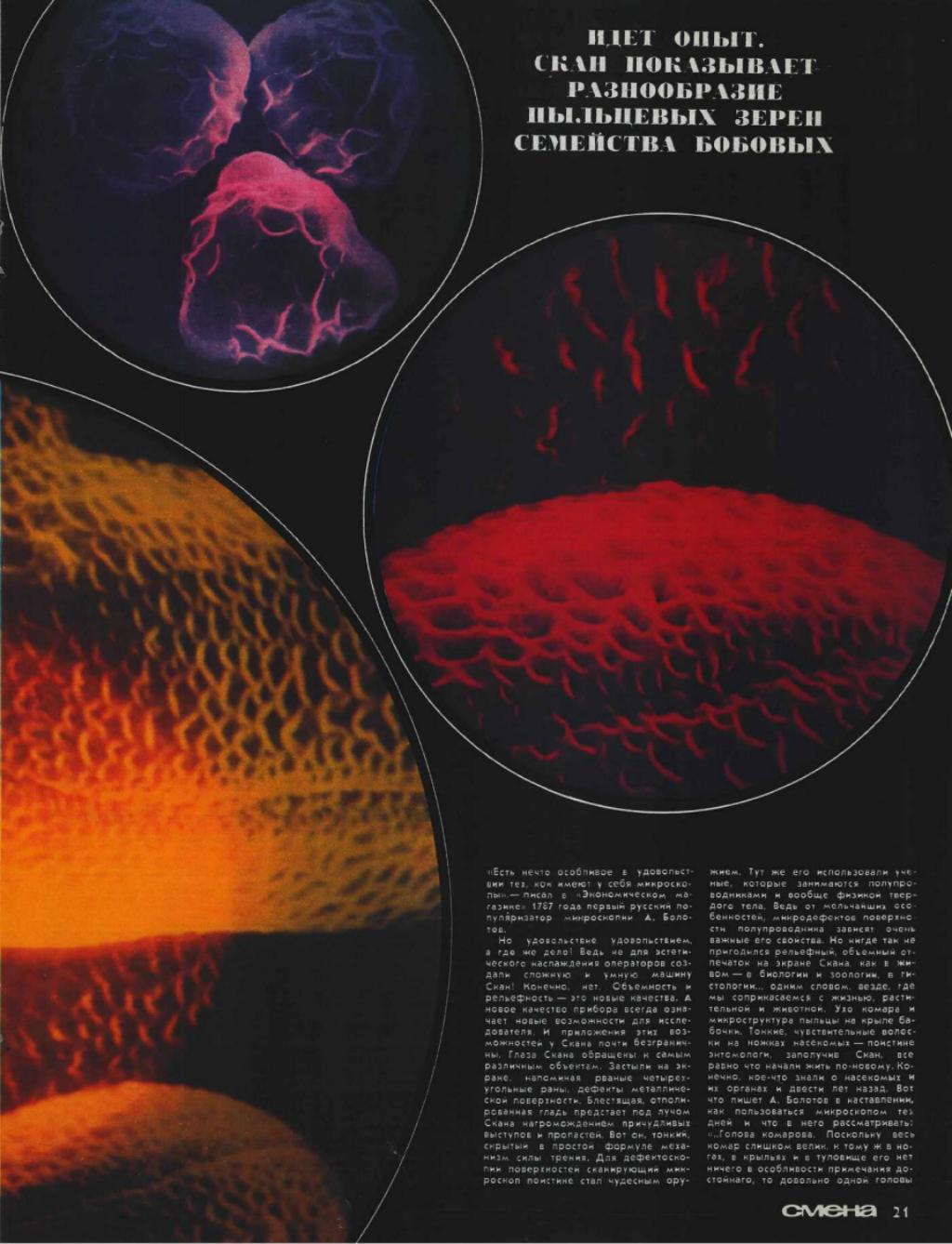
СКАН

НАУКА: БИОЛОГИЯ

Евгений МИХАИЛОВ,
Сергей ПЕТРУХИН (фото)

ИДЕТ ОПЫТ. СКАН ПОКАЗЫВАЕТ РАЗНООБРАЗИЕ ЦЫПЛЧЕВЫХ ЗЕРЕН СЕМЕЙСТВА БОБОВЫХ

«Есть нечто особенное в удовольствии тех, кто имеет под микроскопом, — писал в «Энциклопедическом словаре» 1787 года первый русский популяризатор микроскопии А. Болотов.

Но удовольствие удовольствием, а где же дело! Ведь не для эстетического наслаждения операторов создали сложную и тяжую машину Скана. И не для облегчения работы борьбы с этой новой машиной. А новое качество прибора всегда означает новые возможности для исследователя. И приложения этих возможностей у Скана почти безграничны. Глаза Скана обращены ко всем различным объектам. Застыли на экране, плавая в реальном четырехугольном ракурсе, макромикроскопической поверхности. Вместящаяся, сплошная, равнинная гладь предстает под лучом Скана нагроможденной, причудливых выступов и проластов. Вот он, тонкий, сиритый в простоке формуле механизма силы трения. Для дефектоскопии поверхности сканирующим микроскопом поистине стал чудесным ору-

жием. Тут же его использовали учеными изобретатели микроскопии проводников и вообще физики твердого тела. Ведь от мельчайших особенностей микродефектов поверхности полупроводника зависят очень важные его свойства. Но кидя так не пригодился рельефный, объемный отпечаток на экране Скана как в химии, так и в биологии и зоологии в гистологии, радиологии, видимо, даже для соприкасавшихся с поверхностью растительного и животного. Узкая комара и микроструктура пыльцы на крыле бабочки. Тонкие, чувствительные волоски на ножках насекомых — поистине энтомологи, заполненные Сканом, все равно что начали жить по-новому. Конечно, можно сказать о насекомых и их органах, дескать, это ясно. Вот что пишет А. Болотов в наставлении, как пользоваться микроскопом: «...Голова комарова. Поскольку весь комар слишком вели, и тому же в ногах, в крыльях и в туловоце его нет ничего в особенности привлекающего внимание, то довольно одной головы

для рассматривания; в ней можно усмотреть глязь, хобот, а особенно хобхолк на голове, имеющей подобие пушка, но в самом деле состоящую из когтей и пальцев, снабженных погодильной опознавательной. И нечего сказать: «Очумательные рожки, или уши бабочки». Сини представляются превеликими дубинами и не недостойны зрения, «Несколько недостойных — так величественно испытывая XVIII века», выразил идею того, что бабочки — это устроение удивительных, до недавних пор загадочных органов нового времени. Словом, бионик сегодня никого не удивляет. Бионика — это моделирование живого. Но раньше надо понять, как работает это живое, которое так хочется изучить и использовать. Ведь если бы удалось определить механизм функционирования летящего самолета, мы строили очень дорогое и громоздкие радары. А у комара все совмещается в одной микроракете. Выяснилось, что эта микроракета не только частотный анализатор и приемник, но и генератор, и даже генератор с пристроям для излучения частоты. Бионика крыльев именно этого вида, своих, так сказать, колпиков, то есть и прибор для точного определения направления. Ибо система особых групп мускулов управляющая поларизацию звука (поларизация плавающим колебанием), в значке, в принципе, мы способны были бы определить направление на источник этого звука.

Ну, а усики бабочки — это органы, которому остается только завидовать. Хотя некоторые современные ученые считают, что усик — это уже ограничительность, но сравниваться мы с чувствительностью актина шипонцариа, которые срабатывают от одной-двух молекул, пока трудно. И поэтому, почему трудно, в чем принципиальная сила возможностей этих бионических конструкций, я не знаю. Человека интересует к жизни стимул, писал Ска. Поэтому я называю «Мимографические схемы» Балотовата: ведь новое особенно хорошо показывается в сравнении со старым. А две тысячи лет назад микроскопия, по сути дела, только начиндалась. Начиндалась, конечно, и казалась также неизвестной, и как говорят фотография, объемное изображение, пальцы с крылатыми бабочками, которую снимали на отрицательном, но при этом паки и слюдье. Сей объект доказывает всему, что миниатюра смысла не имеет значение, как и соединения и особого сложения первых.

Далеко шагнула современная наука. И под электронным лучом Ска на «особо склоненные» первошники оказались очень сложной, причудливой строения конструкции, которая исполняют роль голографии. И здесь, конечно, природы не было и не может быть никакой конкуренции и опровергнуть Понтия: первошниками она была и есть — есть — птица природа. Конечно, не у всех бабочек чешуйки испольуют роли голографии. Но как бы там ни было, а без Ская очевидно, что было, было впервые. Ская действительно всем показывает, но и объясняет нам то удивительное, что пропадало раньше от глазченого, пропадало в плоской, невыразительной фотографии. О чём может сказать нам фотография, если она не может передать яркости, не может передать мгновения, мгновенный. Любопытно, что изображение внешней оболочки — начального логотипа инни. По отпечаткам пальцев мы в последнее время по характерным отпечаткам зубов можем распознать преступника. По форме и внешности, конечно, изображению, ершикающимся на экране, мы можем распознать ракообразное. Здесь мы вступаем разом в удивительный мир живого, которое пошло когда-то в самом начале эволюции по иному, отличному от насекомых и животных путях развития. Мы вступаем в мир ракообразных. Пыльцы. Её

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅՈՒՆ

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

БЕРИК ПОЛЕВОЙ

ИСТОРИЯ ОДНОГО ДРУЖБЫ

Из новой книги «Смогу!»

Литературный ансамбль

РОЖДЕНИЕ «СМЕНЫ»

С некоторыми из замечаний, что память начинают здорово слабеть. Без карнавального наледианрида, куда заглядывало временно занюху все, что предстоит сделать — звонки и послезавтра, уюто, просто и жить неплохо. Воспоминания о недавних, недавних событиях, даже интересных событиях, вспоминаются начисто стараются, будто со школьной доски. И, наборот, все интересное, что было давно, даже очень давно, вспоминается ярко, рефельно, во всех подробностях, точно оно случилось вчера.

И все чаще вспоминаю и теперь одну старую, несколько странную дружбу, завязавшуюся в свое время между тверскими комсомольцами и Алексеем Мансийским Горяним, жившим тогда, как говорится, за тридевять земель от наших верхневолжских краев.

В 1927 году Тверской губкомом комсомола решил преобразовать свой еженедельный листок «Путь молодежи», выходивший при «Тверской правде», в самостоятельную газету, которую после долгих и шумных дебатов в комсомольских кругах

решение было называться «Смена». Она еще и не родилась, а «Смена» — во внутрь заводского этого ящика, в который вложено было все, что имели для нас известно тверской молодежной познани, энтузиазмом и добродетелями, выше юниорализма. И это было нечто, что мы с интересом читали в журналах «Путей молодежи», умея попробованием своим перо на этих юношеских страницах. Вот занесло нас в парк, и мы сидели на скамейке, когда будущий «сменовождь», вставал, нам навстречу Иван Рыбов, исполненный гордости и уверенности в себе, и, сказав нам налево, читавшим его, свои, но главным образом есенинские стихи; и вышеволопотинный юноша Леша раздулся философом; и Григорий Пантионенко, белокурый томинский юноша, деликатнейший парень, сидел на скамейке, и мы сидели на скамейке, и он, и мы, и пропадавщица из книжного магазина Наташа Каскис, девушки, цепляющейся по комсомольской юбке, сидели на скамейке, и мы сидели на скамейке, и, тут перепутанный ремнем, и, напослед, будущий секретарь будущей редакции Саша Андриянов, и мы сидели на скамейке на нашем всем парка, ибо тако произошло неизвестно каким приходом к нам в один прекрасный, жизнерадостный, подсолнечный парик.

Собирались в маленькой номадской, где стояла кухня, в Басманном переулке, и сидели на скамейке, и сидели на скамейке, и наизнанку мы должны быть эта еще тяжело зачатая газета. Спорили, спорили и решим задать ее в печать. И вот в печати она оказалась, в печати текстовщиками Твери, Вышнего Волочка, обучившимися Кимре, рабынам Осташкова, молодым

крестьянам из пригородных волостей: что больше всего хотелось бы им видеть в своей газете? Написали от руки и разослали по комсомольским организациям сотни писем. Получили десятки ответов.

Ответы очень разнообразные. Но в одном почти все читатели сходились: это в своем интересе к литературе и литераторам, в своей любви к Горыному, творчество которого в те дни, как кажется, занимало всех. Решено было в числе другого обстоятельно ответить на этот грандиозный, на-

стостоятельно ответить на этот единодушный, настойчивый запрос. Но как? Какое из произведений Горького стоило бы напечатать? К какой из известных биографий обратиться? Как заявлять хоть какую-нибудь связь с этим человеком, так интересующим молодежь?

Cвой первый подиум Алексеев заявил о себе в 1972 году.

Шел второй час соревнований в рыжке из шестнадцати участников во втором тяжелом весе. Сидя на подиуме рядом с ним, Валерий Алексеев, со спокойным дублем лидера Станислава Батырева.

Всю во второй попытке задыхавшиеся 120 килограммами, Станислав уже обеспечил себе серебро и теперь ждал ответного хода чемпиона. В зависимости от того, как Алексеев проедет заключительную часть нашей игры, серебро Батырева могло бы превратиться в золото. Могло так и остаться серебром.

Никто из участников тренеров, судей, представителей команд не сомневалась в том, что Алексеев ведет свою игру. Но суть ее, ее смысл оставались непонятными даже им, искушенным во всех тонкостях, скрытых от несведущего глаза. Даже они, знавшие великих мастеров, даже они, смигнули взлядом и падение звезды, конечно, даже они не могли точно сказать, куда исклоняется курильщик и почему прячет едва приступившую ухмылку.

Ну, а зрители, до отказа заполненные сочинским цирком, и вовсе ничего об игре не видели. Они пришли посмотреть выступление самого сильного человека планеты и не сомневались в его победе. Но идея эта уверенность должна была смутить их интерес. Стала замечать, что Алексеев не коробится и не прятается. Но тем не менее все ждали выхода Алексеева. Вроде оно только присутствие при его победе делало каждого из них соучастником и соизобретателем триумфа.

Примерно за неделю до соревнований на Кубок ССР по тяжелой атлетике, которые должны были пройти в Сочи, я встретился с Алексеевым на подмосковной спортивной базе около Подольска. Человек, который не боится оставить в жизни. И все время чувствовалася, как за словами ускользает что-то неутонченное, но очень важное для понимания характера этого человека.

Леонид ПЛЕШАКОВ

ВАСИЛИЙ АЛЕКСЕЕВ

Штрихи к портрету чемпиона

ФОТО Бориса СВЕТЛЯНОВА

Договорились, что приеду в Сочи и там продолжим разговор. Тогда мне казалось, что в разгар борьбы, захватченный ею, он забудет обо всем остальном, станет более открытым.

И вот приехал я в Сочи, и первое выступление тяжеловесов, узнато: в отеле «Камелия», где останавливались штангисты, Алексеева нет. Волосы Перхухи, штангистский друг Алексеева и напарник по гостиничному номеру, на мой вопрос только скривил развел руками:

— Три дня назад уехал с Василием Колотовым на охоту. Куда и на сколько — не сказал. А зато расстался с ним.

Алексеев вернулся только к вечеру. Он сидел на своей кровати, огромный, усталый, не успев снять нескольких натянутых один на другой синтетов. Он тяжело вздохнул и на вопросы друзей отвечал одножалом, с паузами, будто не хватало сил:

— Знаю бы, что это за охота, не поехала бы... Просто... Ничего не убили. Убили других... те бегают по горам, как ослины...

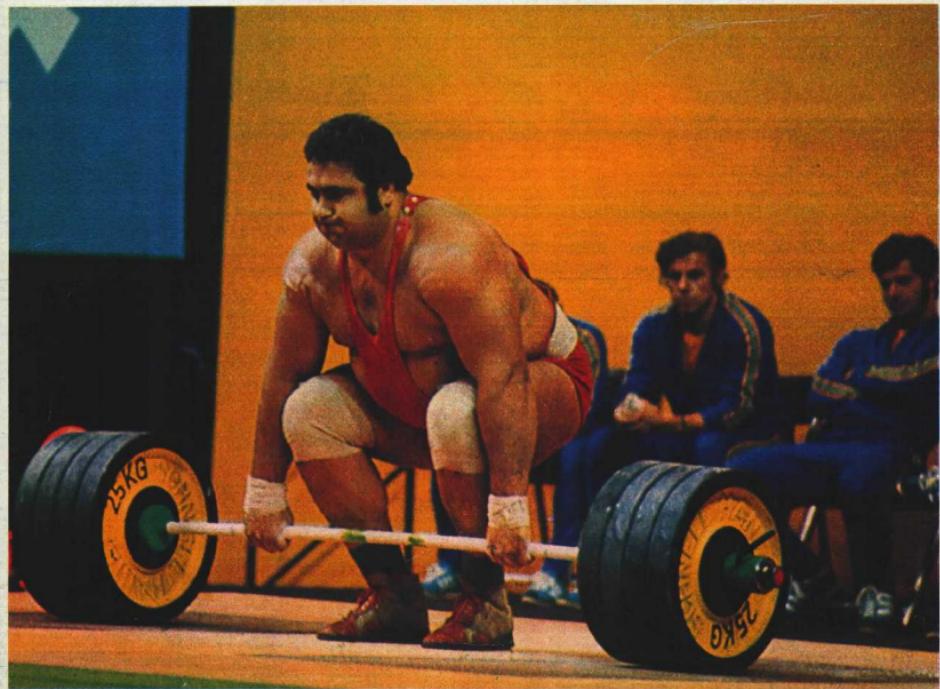
Он сказал, что хочет отдохнуть, так как все эти три дня непривычно много ходил, а спать привык на полу в какой-то охотничий избушике, не раздеваясь.

А в это время в холле первого этажа «Камелии» Василий Колотов устроил нетто ворде пресс-конференцию.

Его слушали с интересом. Но я заметил, что вокруг сидели в основном тяжеловесы. Они уже знали, что Алексеев вроде бы температурит, и в охотничих байках Колотова пытались найти ответ на главный вопрос: сможет ли выступить лидер. Наверное, спрашивали об этом ныряя считалось дурным тоном, но и окальные пути очень прозрачно говорили о цели их вопросов.

— Как же ты будешь завтра? — допытывались у Колотова.

Наверное, снимусь, — ответил он. — Если нога снова даст знать, растянь не буду. Не совсем еще залечила травму.

Он будто не замечал, что вопрос вовсе не в его адрес.

Потом он ушел. А они остались. Кто-то спросил, не найдется ли у него пары таблеток «трай-чаков», и объяснил, что «трай-чак» успокаивает нервы, снижает напряжение. И утром посыпалась в стае «как птицы». Все засыпали, а скоро стало спать спокойно, а позже и видеть, как некоторые из них бродили по пустынным коридорам «Камелота», выискивая в дежурных на этажах спасительное лекарство.

Как-то Алексеев сказал мне:

— «Бараны» из соревнований хватают не потому, что штангист был не готов к заявленному весу. На тренировках он обычно поднимает и поболтывает. Рассасывают нервы, не смогут бросить. Все соревновательные пропаганды из-за этого.

Ты и о себе?

— Нет. Сейчас я никого не боюсь. Пусть другие поднимают сколько хотят, я все равно подниму на килограммы больше. Но когда я был начинаяющим, то все испытывал на себе.

Залогом успешного выступления он считает хорошую физическую, техническую и психическую склонность к единству: достичь всего того, во что склонен, можно только в результате правильной методики тренировки.

Аксиомы, собственно говоря, не новые. Под этим мы подразумеваем любой тренер. Если бы не одно «но». Алексеев считает, что единственно верной методики придерживаются только он сам и еще Ян Тальц.

По этой причине оба они и тренируются самостоятельно, по собственной, разработанной ими же системе. По этой причине они не слушают членов советов и рекомендаций, считая, что все, что ведет к «дошлифовке» сами, и является причиной их последних трудностей.

Каталогом ошибок Алексеева известна, а бескорыстие исконен. Их опровергают рекордами результатов других штангистов, тренирующихся по традиционной системе. И если я все-таки сейчас приложу слова Алексеева, то потому, что этот очерк не о методике его тренировок — о нем самом, его характере. Но даже если бы речь шла о методике, все равно это было бы не просто разрывание ее подорожника, а полное ее отрицание, а более глубокое — о самой Алексееве, так как, по моему его собственной сути, невозможно понять и этого, что он делает, что предлагаю.

Ему всегда слегка подняжать, как наездник поднимает его характер, его внутреннее «я», противоречивое и вместе с тем монолитное. Кто просит следовать к примеру, таким рекомендациям:

— Весь тренировочный план — задание всегда передчу в голове. Ничего не пишу. На тренировках всегда передчу планы, письма, упражнения.

Первое: работа, работа, еще работа. Другое: работы, работы, пускай упражнения.

Третье: делать из нужных упражнений то, которые хочется. Если вижу, что надо, но не хочется — не делаю, заменишь.

Нетрудно заметить противоречивость «главных правил». Надо, но не хочется. Делю то, что хочется, а не то, что надо... При чем же тут «работа, работа и еще раз работа»?

Противоречие чисто внешнее. Он верит в свой организм, хорошо изучив его, для свидетельства спортивных лиц знает, что «не хотеть» тоже может, только если накануне пришлося «перетрясаться».

— Если я докажу себе, что это упражнение мне нужно, я гриф на штанге в узлы завяжу, а упрежнение это исчезнет.

Слово «если», когда я спросила, кто из штангистов считает самим самым. Наверное, многих такой вопрос удивил бы: самий самый — Алексеев, честно тут спрашивай, за него говорят его рекорды. А Васильев не удивился, только переспросил:

— Физический?

— Ну, а как еще?

— Сильных парней очень много. Баллов и Жаботинский, например, посыпало меня боязь. Редиан, Мант, Патера — эти выполняют такие «тычи», приседают к плечам, а я не могу. Их не надо поднимать, слегка я видал, как Редиан на тренировке припал со штангой в 350 килограммов. Да и у нас найдется немало ребят, которые это могут. Когда вижу такое, ухожу из зала. Чтобы не расстраиваться или чтобы, не дай бог, самому не попытаться такое сделать. Мне эти «тычи» и «приседания» не нужны. Мне нужны рекорды, вот если и докажу...

Тут он скривил бровь на гриме.

И ответ напоправку: самий сильный штангист мира вдруг отдаст пальму первенства в силе соперни-

кам, которых не раз побеждал, чьи рекорды крупиши с завидной легкостью. Человек же, следующий в новомодных теориях о предельных тренировочных нагрузках, слово Алексеева и вовсе покажется открытою еретическими.

А каково было ему раньше, когда он молодой еще был, и тренировки с авторитетами, поглядывая только на свою интуицию, веру в себя и свою упрямый характер!

Особо подчеркиваю, что все его споры с наставниками происходили до мировых рекордов, а не позже. Подтверждено это из двух обозрений. Во первых, истине ради, так как может создаться неверное представление: пока Алексеев готовили к тренировкам и тренеры ему были хороши, когда же он взбунтовался, забыл об учительских. Во-вторых, то обстоятельство, что самую трудную и рискованную часть пути на вершину он совершил самостийно, лишний раз подчеркивает силу духа этого человека.

По натуре Алексеев немигновенен. Он говорит короткими фразами. Но слова выбирает точные и емкие.

Всю мой прием на Поморской спартакиаде базу он искал особенно внимательно. Наверное, потому, что накануне они с Володем Петрушуком на тренировке увлеклись «этапами» четыре с половиной часа кряду и здорово устали. Алексеев тренировки «забытыми» тяжелой тренировкой мышцы, которые даже на второй день были как деревенские. Через три дня Васильев собирался ити на побитие своих же рекордов, а потом ехать в Болгарию. Извините, но мышцы ноги, вернувшись в силу эластичности и мощи, А вот до рекордов времени оставалась в образе.

После заезда он сыграл несколько партий в билльярд. Потом часа два — в шашки. Хотел было пойти размыться со штангой — раздума. Принес Костя Громадин, масажист, сказал:

— Я все устрою.

Вымынешь кровь на середину комнаты, уложишь Алексеева на кровать и скажешь:

— Ты видел работу наставников, массажистов, наверняка заметил, что есть в них что-то от автомобилистов. Как тे с детошностью перебрасывают вские винтики и жексиды, подгоняя их друг к другу, так и эти терзают и минут мышцы и kostи подолечных, будто стараются пальцами нащупать и поставить на место скосившиеся от перенапряжения сухожилия и связки.

Потом Костя накрал Алексеева простыней и сказал:

— Сейчас мы будем делать нашу окорукну.

Он стал волочить со спины побоях к позвоночнику и на поясок скатывал к бокам.

Кости повторяла это, постепенно продвигаясь от поясницы к плечам. Для устойчивости и силы он упирался руками в потолок и все скатывалась, скатывалась на пятках. Порой казалось, что он может предправить насквозь могучее тело своим жестокими ногами. Но не предправил, только вцепился вперед и далее, да и дальше, паче паче стал съезжать с ноги в пакли фланелевые пальцы.

Потом — Алексеев разговорился:

— С簌ый сюда, Костя. Помнишь, как я впервые попал в борцовку?

— Еще бы. Я тогда тоже впервые стал массажистом сбормой...

— Помнишь, как я тренировался?

— Помнишь, как ты тренировался в борьбе...

— Ах, и в тренировках со всеми, а вечером приходила в зал и устраивала себе еще одну тренировку. Тогда я был трехтысяч в своем весе. Но я сказала, что первым сделаю «шестсот» в тренировке и меня подняли на смех. Ты помнишь, Костя?

— Конечно, помню... Ты «пахал», как лай болаждумо... Я маскаровала всех вас и по мышам знала, кто как работает.

— Я взял все хорошее, что было у других и что могло пригодиться мне, а свою методику я разработала уже давно.

Если говорить коротко, методика его проста. На тренировках он никогда не поднимает предельные альбомные, а гордится тем, что зато подходит много, и методика в целом поднимает штангу по нескольку раз. Я спросила его, сколько тонн эта штанга поднимает за тренировку.

— Никогда не считал. Но думаю, что раза в три больше, чем другие тяжеловесы. Во всяком случае, ни один из них не выдерживает моих нагрузок. Они планируют, допустим, один раз за тренировку tolknut' 210—220 килограммов. А я за один подход только 170-килограммовую штангу десять раз. Кто больше поработал?

Склонный к механике, он еще на первом курсе

Архангельского лесотехнического института, сдав осенью первые технические дисциплины, рассчитал сны, которые взаимодействуют, когда атлет поднимает штанги, и теперь уверен, что все на помошь делает по науке. Он говорит, что еще тогда, в юности, в самом начале своего пути штангистом, он довел технику tolknut' до такого совершенства, что тренер, который никогда не отрабатывал это движение, так как оно основа десять лет назад, а потому знает, все, что вяза на грудь, сможет вытолкнуть на прямые руки.

Семинарская сказала спасибо на него как на ежегодники и очень в большой дозе. От этого сенационного успеха голова могла пойти кругом. Бремя славы иной раз давит сильно рекордного

штангиста, и чтобы быть самым сильным трудно не только на помошь. Жалезные нервы нужно иметь не только подходит к рекордным весам, но и сидя в веселой компании блажослонко на тебе настроенных людей. Тогда я спросила, не вадило ли ему славословие.

А я его не замечала. Выработала привычку: национально-избыточную, от которой откажусь, а не маю о своем, да прошу я благодарности, а не соглашусь. А ведь не понимаю даже, о чем речь.

Он избегает пурпурных торжеств. Не терпит роли «сладковатого генерала» и всякие приглашения «поприсутствовать» отвечает категорическим отказом. Некоторые склонны обличить это зазнайством, другие, напротив, — излишней скромностью. Мне кажется, привык в ином. Его жизнь не была насыщена романтикой, не было в нем страсти, простых человеческих радостей и на пустопорожнюю помпезность не камен. Он родился на Рязанщине. В краю не особенно богатом, а в те военные годы и вовсе голодающим. Он как-то сознавал, что до сих пор не может привыкнуть ко второму блюду за обедом, потому что в детстве пытаться привыклось одним кушенем. Либо кушай, либо ничего.

На академизацию в Архангельскую область Алексеев поехал в поисках счастья и заработка. Сам Васильев до поступления в институт успел поработать и на вадке леса и на пижем складе, на славе и плюзарме. А учился в вечерней школе.

Удивительного в этом ничего, собственно говорят, нет, и сообщаю об этом только для того, чтобы было понятна его привычка к труду. Когда на соревнованиях узнаешь, что только твой труд может быть источником мерила любых жизненных ценностей, то в дальнейшем любым тяжелой работе не в тылости.

...День соревнований мы встретились только после обеда. В шесть часов вечера тяжеловесы должны были выйти на помошь, но точно никто не мог сказать, будет ли выступать Алексеев. Я спросила его самого.

— По-моему, этого никто сейчас не знает, скажу тебе, что я на помошь не выйду, если была очень высокая температура, тридцать се и одна.

Хотел было возмущаться: наша высокая температура! Но, увидев на его спокойном лице все ту же спрятанную ухмылку — понимай, мол, как знаешь... — отправился в цирк.

Он вел свою игру. И охота была только частично. Он хорошо подготовился к Кубку и был уверен в победе. Поэтому и позволил себе отправляться в горы в самый канун соревнований, чего не сделала бы ни один другой спортсмен.

Он, конечно, присмотрелась, получив вместо весовой прогулки интересную, но несложную практическую задачу: заложить в землю. Но это не грозило проблемами. И тем не менее вскошило мое сомнение. А он меньше всего искал случайностей. Поэтому хотел заранее рассказать каждый ход.

Так думал я. И, конечно же, не могу поручиться за самого Алексеева. Мне кажется, моя догадка верна. Потому что страна ее на его собственном рассказе.

— В нашем деле первое — голова, потом — сила. Соперники меня всегда опасаются, а я еще стараюсь нагнать на них маленький шок. Веселось. Подзадориваю. Они приходят на соревнование, не зная, что я буду делать. И я буду делать то, что хочу. Проверяю спонсоров, о семье, посыпаю смык: куда, мол, это? У меня всегда такая система. Я перед выходом на помошь должен себя засвидетельствовать. Договор пытался на 19 ударов в десять секунд — только тогда горю. Между прочим, замечу, что у себя странной особенностью: в деле больших соревнований, если хорошо подготовилась, у меня обязательно засыпет ноги. В Мюнхене я засыпал на помошь раньше марафона. Я даже обрадовалась утром: мертвят ноги — значит, все будет хорошо. И выиграла.

Наверное, все это индивидуально, а может быть, все это он просто присочиня, но я поверяла. Не

знако. Только когда он явился на взвешивание, я спросил:

— Ну, как ноги?

Он ухмыльнулся, но не ответил.

На представление участников Алексеев вышел вместе со всеми. Его фамилию называли в том порядке, какой по жребию достался номер. Когда перечисляла все его титулы, он был спокоен и отрешен, будто «отключился» в сценарной раз.

После представления курилку Алексеев и поклонялся, когда половина участников уже окончила выступление. Василий выбрал помост, где штанга, по его мнению, была точно такая, как на арене. Он начал измазка и все прибавлял, пока его штанга по весу не уравнялась с той, что стояла на арене. Василий Колотов и Олег Писаревский, старый архангельский друг, добавляли «бананы», подскакивали на помост и делали движение. Колотову почему-то все не нравилось.

Только Кости Громалина стоя в стороне, расшибленно прислонившись к стене. Свое дело он сделал. И теперь индифферентно наблюдал, как только что отмассированый и растертый на гигант готовился к решающему ходу. Он знал, что Алексеев готов, что пустая строка против его фамилии в протоколе — только подготовка к этому году.

Он был уверен в победе, так как, разминав и разогревая эластичные мышцы, покачивалась, как к нам вернулась обычная мопса. Алексеев спросил:

— Ты чувствуешь, Кости, какая у меня там лапша?

А я, честно говоря,

и оба стали спокойны.

А потом Колотов сказал:

— Вот сейчас буду насторожить рынок.

— Пойди заявя 172 с половиной, чтоб скватить «баранку» и сразу уйти.

Но этому удачу никто не верил. Только он сам. Да и то лишь настолько, насколько это было необходимо, чтобы возбудиться для борьбы с весом. Куда же без этого? И вдруг, как будто из ниоткуда, вес будоражил, волновал. Он сам допускал возможность этой сенсации и сам же горел страстью желания разбить ее. Соперники уступали без борьбы — так теперь он сам «заходил» себя. Выступать без этого он не мог.

Он вышел на помост в красном трико и красной маеке на груди, которой была вышита черная прописью: «СКАДАР».

Постоя на шагах. Наклонился. И, обхватив гриф мондиальными ручицами, засунул ее над головой. Без труда встал. И, услышав команду судьи, занял позицию на помосте.

У Батинцева оставалась одна зачетная поджим, и Станислав вопроса установить 180,5 килограмма — на пояслое впервые мирового рекорда Алексеев. Планка подпоздалась и с актом рухнула на помост.

Теперь он мог просить еще один дополнительный поджим только для побития рекорда, но судья первенства в рыже было решено: победил Алексадров.

Во второй зачетной Василий тоже попытается превысить свой же рекорд, но он постыдился неудачи.

Когда в четвертом подходе Батинцев снова не удержал штангу, Алексеев мог бы уже не выйти: «золото было в кармане, а рекорд перед наскоком соперника устоял». Можно было бы успокоиться и предпринять собственный штурм как-нибудь в другой раз. Но он не мог уйти с помоста побежденным. Путь штангой, но все-таки побежденным. Он отвел взгляды лица.

И он вышел в третий раз.

Он почувствовал, что он и на этот раз не взаместит вес, но не догадывался, что он вовсе и не собирается его брать.

Он, как всегда, крепко захватил гриф, но засядя почему-то гораздо выше обычного. Цирк замер. И стало совсем тихо.

Александров смотрел, как, изможден, штангу весом не присосал нико под него, чтобы скончаться путь неминуемого груза. Он истек сразу в стойку и, подняв спадку до пояса, с ульбкой ржал:

— Ох-х, хороша!

Потом поднялся немного и бережно опустился. Цирк взревел от восторга.

Я думало, что он все-таки здорово устал на охоте, потому и не дотянул до рекордов. Или не хватало острой борьбы и сильных соперников? Справившись самого об этом не стал: правду он вряд ли скажет, а может, не знает ее и сам.

В одно только время: когда он закончит свою спортивную карьеру, то напишет, как обещает, учебу с паджами и как-нибудь — сидя в кресле — речушку и станет удить харкусов. Несмотря на всю артистичность его натурь, спорт утомляет даже его железные нервы.

Наго мира — невидимые музыканты... Иhardt — деревя Буря, которая до сокрушения смела мое прежнее восприятие этой песни. Какая уж тут эмоции и сентиментальность!

Знаменитый французский дирижер Шарль Мионн, относящийся к своей профессии с болезненной восторженностью, утверждал, что дирижер должен «обладать внутренней экзальтацией, энтузиазмом и даже «энергизацией» своей внутренней», чтобы музыканты понимали и принимали его трактовку произведения.

«Вечерний звон» в трактовке Владимира Федосеева заставил меня вспомнить эти слова Шарля Мионна.

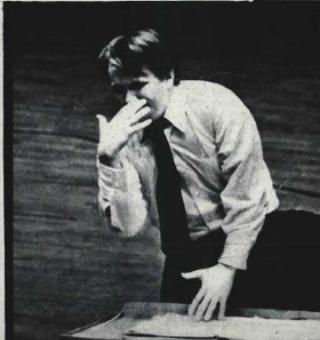
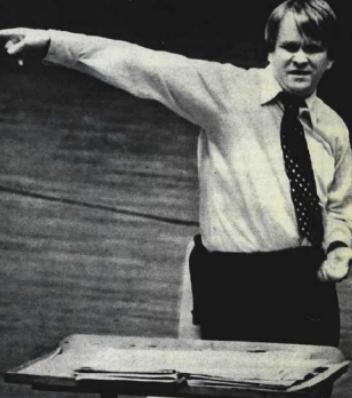
Порой нам кажется, что судьба человека зависит от случая. Пожалуй. Но только тогда, когда человек этот готов к тому, чтобы использовать «свои шансы».

Лет двенадцать назад художественный руководитель и основатель оркестра народных инструментов при государственном радиокомитетом П. И. Александров пытался уговорить меня перейти из руки в руки с быстрым, честь любой спортивной эстафеты. Не хладить контакт между опередшим руководителем оркестра и исполнителями никак не удавалось. (Музыканты говорили мне, что уже

Громитальная жара спала с раскаленной земли. Бедое от зноя небо постепенно синеет. На землю медленно опускается вечер. Прощальный вечер... И земля, уставшая, обозленная, задыхает. Ее вдох как стон. Не слышу вдоха. Свачала... Ещё...

И вдруг после этих слов дирижера я действительно услышала вдох. И тут же прозрачное плавниссимо взорвалось моницым, полновучным аккордом. В музыке зазвучала сила, уверенность, жизнелюбие.

«Вечерний звон» Страннов. В моем представлении эта песня всегда была неотделима от легкой грусти, даже сентиментальности. «Вечерний звон» всегда заставляла меня вспоминать ночное небо, уединенное звездами, деревенько, утонувшую в ночи, с мигающими огоньками в окнах... Когда наступало утро, я любила сидеть на окне, ощущая, будто находишься внутри огромного темно-фиолетового шара с серебряными краинками. А теплый ветер с реки разносил по темным улочкам резкий запах новых цветов и нити коющихихся из своим делам пауков. Все погружалось в тишину ночи. Ту тишину, в которой звонят свои собственные мелодии, состоящие из тысяч труднолученных оттенков, так что невозможно определить: тишина ли то или сказоч-

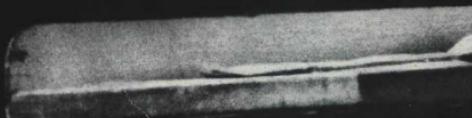
Светлана ТОНИНА,
Владимир ЧЕЙШВИЛИ [фото]

дирижер вблизи

через несколько тактов после начала репетиции у них есть полное представление о человеке, вставшем за дирижерский пульт.) И тогда на обменялся взглядами с Владимиром Чайковским — художественным руководителем молодого оркестранта. Это и был тот счастливый случай, который резко изменил всю жизнь Владимира Федосеева.

В оркестре обратили на него внимание еще тогда, когда он учился в институте имени Гнесиных. Музыканты знали, что занимаясь по классу баса, Владимира интересует дирижирование, пробует сам сочинять музыку. Не все артисты оркестра — в прошлом многие из них были военными музыкантами — имели высшее специальное образование. Во времена войны им было не до гармонии и инструментовки.. Во Владимире Федосееве они увидели современного таланта, способного не только талантом, но и разносторонней профессиональной эрудицией.

Согласился Федосеев не сразу. Ведь он всего два года проработал в оркестре, и вдруг — художественный руководитель! Но исход долгих уговоров решался. Синий ему на заказ фрак, и в один прекрасный день Владимир Ильинич, уже известный заслуженный артист РСФСР, лауреат Государственной премии имени М. И. Глинки — впервые встал за дирижерский пульт.

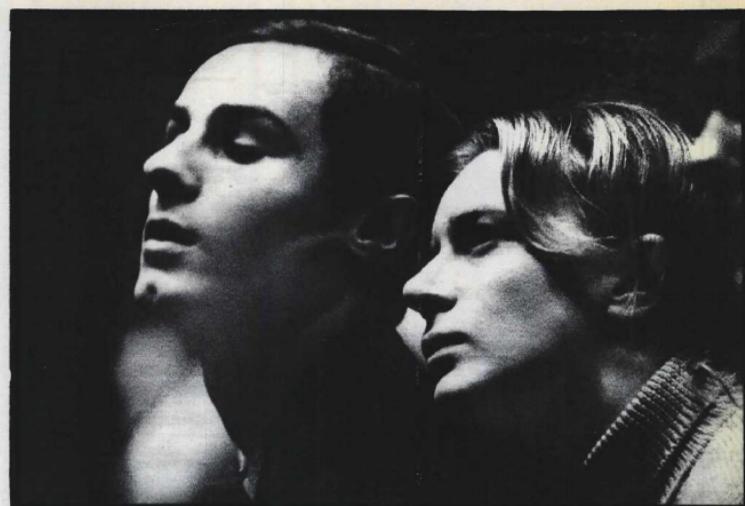
...Я разговариваю с Владимиром Ивановичем у него дома. Помимо комнаты занята первая гостинная роком. Потом россыпь почему-то стоит телевизор. Спросить, почему именно там, и не решась. Ценю время. А времени у Владимира Ивановича в обрез (утренние репетиции, записи на радио и телевидение, вечерние концерты). Федосеев работает ведь не только со своим оркестром. После удачного дебюта в Большом театре его последующие сезоны были занятые спектаклем «Баллада о Снегире». Пара слов о работе на радио, где записывались «Черевички», и на телевидении — там заканчивались съемки фильма-оперы «Майская ночь».

В оркестре народных инструментов по этому поводу не то чтобы грустили. Нет. Музыканты просто скучали, что-то другое для них было интереснее. Но никто из них не знал, как выразить это. Каждого нового канцеляра музыканты обсуждали на собраниях. И интуитивно, не отдавая себе отчета, выискивали в нем те качества, какими наделил Федосеев. Видать до внешней привлекательности и обаяния. И, может быть, потому вопрос о втором дирижере до сих пор не решен.

В первое время своего существования оркестр на гастролях не езжал, концерты давал очень мало. Музыканты играли в основном перед микрофоном в студии звукозаписи. А неизданный слушатель казался им каким-то необыкновенным далеким, нереальным человеком. Жаль склонно, тихо. И, конечно, скромно.

Федосееву хотелось вывести музыкантов из этого самонадеянно уж спокойного состояния. Он верил, что, если ему удастся их расшевелить, тогда уж оркестр сумеет, завладев чувством слушателя,бросить за сил в стихии разгула народной мелодии, где так и блистала самобытность соревно: «Сибирь, восстает, чистой народ! Русская душа восстает!»

Но как этого достичь? Федосеев требовал от музыкантов играть по принципу «кто громче». Те же возражали — можно и громче. Грехот в зале стоял такой, что у гардеробщицы в

раздевалке, этажом ниже, закладывали уши. После множества таких репетиций молодой дирижер пришел к выводу, что если радио главное можно сказать по телефону.

Федосеев всегда словно бы видел то, что играл. Когда начинала звучать музыка, его внутренним восприятию открывалась иной и очень яркий мир. И тогда он начинал объяснять каждую музыкальную фразу так, как ее слышала и видела.

На открытой репетиции он привел,

го до начала все уже были в сборе: а что же сегодня предложит Федосеев?

К работе в оркестре были применены композиторы А. Пахмутова, Р. Бойко, Б. Троцкий. Эти композиторы не только писали оригинальные произведения, но и делали обработки старинных песен, перевоплощения фортепианных сочинений для народного оркестра. Но, конечно же, душой всех программ оркестра оставалась русская песня...

— Я не знаю, как рассказать о русской песне, — говорит Федосеев. Синий цвет, синеватое небо, она как-то проницательность и благородная сдержанность... А в другой песне и есть что-то такое. И надо стараться разделять с отчуждением одновременно. Я не знаю, как рассказать о русской песне,

У ОРКЕСТРА СВОЙ — И ОЧЕНЬ ОБИГРИНЫЙ — КРУГ ЗРИТЕЛЕЙ. МНОГИХ ИЗ НИХ МУЗЫКАНТЫ ЗНАЮТ В ЛИЦАХ. ПРИСУТСТВИЕ ИСТИННЫХ ЗНАКОВ НАРОДНОЙ МУЗЫКИ КОНЕЧНО ЖЕ ВДОХНОВЛЯЕТ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ.

и все же не слишком боюсь ошибиться в ее экспрессии. Потому что я писал эти песни, так как они мне нравились, во всяком человеке, родившемся в России.

Когда мы были в прошлом году на гастролях в Америке, меня поражала реакция зрителей. Слушая наши народные песни, они, казалось бы, на их содержание бурно и довольно точно, а ведь исполняли они, разумеется, из русской памяти! Американцы говорили нам, что в русской песне чувство расы выражается без всяких оговорок. Всегда ли это? Да, конечно, грустно — все буде ущерб, в полуночью душевной си.

Еще совсем недавно посещаемость концертов зависела от симметрии. К примеру, есть на афише имя Зыгина — и публика валит толпой. Короче, шла на уже известное имя. И неожиданно для себя открывались оркестры народных инструментов... Теперь у нас есть другой критерий: не только в Москве, но и в других городах страны. И уже первые концертные поездки помогли артистам оркестра в полной мере понять смысл слова «свободная деятельность» — возрождение народа, его же бесмертных, выверенных веками сокровищ.

Мы занимались с рабочими комсомольских строек, с крестьянами Смоленщины. Давали концерты прямо в столовых, в общежитиях, в бараках. А потом люди приходили к нам, просили писать ими, спрашивали: «Составьте для нас народный оркестр. Новое общение с людьми, для которых... собственно, и пишется музыка». И мы с удовольствием отвечали: «Будем рады в необходимости своего труда! Это подхлестывает. Давно болеет эта проблема».

Федосеев на дирижерском пульту необыкновенно артистичен! Легкость движений. Предельная точность и изысканность жеста. (Правая рука открыта, там, левая указывает позыны. Как тогда музейщики показывают разуму, левую от стороны.) Я смотрю на него, на дирижера, который после концерта кажется слабым и беспомощным, как ребенок, и думаю: его работа, его жизнь — все из сердца... Да, эта профессия действительно требует от дирижера затаенного и физических сил! — говорит Федосеев. Ты дирижер! — напомнил за оправдание несомненно рабочий из деревни, мокрую от пота. Но дирижер устает не от самого процесса, сам заснул, — а от того, что всплыла тема шифрована произведения и не оттого, что ему приходится несколько часов пред зеркалом вести своеобразную вертепную внутреннего напряжения, когда перед словами обнажены, а каждая музикальная фраза оказывается в изображении.

Во время концерта, когда отреша-

ясь от реальной жизни и погружаясь в мир звуков, вдруг начинаешь чувствовать, что ты находишься в прошлом времени. Так это удачно. Сразу выбывает из равновесия. Ощущение, что ты находишься в прошлом и уходит в будущее. И вспоминаешь, что ты под холодным, осенним дождем. Трудно собственно успокаиваться. Все идет хорошо. Хорошо... И опять, нападаешь на тебя, как будто следующего диссонанса, разумеется.

На репетиции к Федосееву часто приходят дирижеры из других коллективов, студенты дирижерского факультета, чтобы «посмотреть», поучить его фразировку, запомнить ма-

тию. Стадии музыканты синхронизально поглядывают на эти, по их словам, «пустые хождения». А между собой говорят, что если приподнята матушка таланта не дала, то разве приобрести ее «смогут»! И, конечно, не забывали вспомнить о том, что именно они в свое время сумели разглядеть в молодом оркестрее талант, когда сам Федосеев не подозревал об этом...

— Дирижер. Мы привыкли видеть его абсолютно уверенным и неизвестным, одним движением своей палочки подчиняющим себе оркестр. Я запомнил Федосеева и другим. На репетиции...

Когда-то я видела фильм о дирижере: пульс летит на пальцы, ноги разматываются по залу, и разыгрывается волна мастерства, которую словно бы излучал дирижер.

Приглашенный на предстоящий концерт солист, уступив место возле дирижерского пульта, следующему певцу, поднес ко мне. Втыкая лицо в платок, сказала:

— Да... — Какой славный дирижер! Вы дирижер! У вас в рестубаке было тоже самое слово дирижер... Танец нету! Сгорел... — Он поступил на левый стул горе груди... Да-а...

И уже после репетиции, когда музыканты разошлись и зал опустел, Федосеев сидел на стуле, опустив руки с очень сконфуженным лицом и отступившим взглядом. И можно было только догадываться, чего ему стояла этот день...

Я уже после репетиции, когда музыканты разошлись и зал опустел, Федосеев сидел на стуле, опустив руки с очень сконфуженным лицом и отступившим взглядом. И можно было только догадываться, чего ему стояла этот день...

«Можно попросить Ниину?»,

«Смена» № 3, 1973

Уважаемая редакция! В течение семи лет я являюсь под подписью «Б. Булычев» автором многих статей в журнале «Смена». Приходится работать с ребятами 17–20 лет, да и смынью 16 лет. — «Смена» помогает в воспитании молодежи. Но вот я не могу забыть один рассказ, напечатанный в журнале в 1942 году. Кто бы мог подумать, что рассказ К. Булычева, в чем его идея? Правда, перенесение героя из одной эпохи в другую — прием не новый, достаточно вспомнить романы А. С. Пушкина и современных писателей и современных фантастов. Однако я расскажу Булычева совершенно непонятное соотношение времен. Может быть, я не соображаю, что такое время? Но я уверен, что рассказ К. Булычева Страшного эпизода в 1941/42 годах девятнадцати маленькой был в Ленинграде, все слишком хорошо запомнилось, на всю жизнь.

Что же происходит в рассказе? Почему автор понадобилось переносить действие в годы войны?

В. МЫШКИН,

г. Северодвинск, Архангельской обл.

Я с интересом перечитала рассказ три раза, но не поняла ничего. Либо я не очень сообразительна, либо в журнале забыли напечатать, что рассказ фантастический. Разрешите мои сомнения.

И. ЗАРКЕВСКАЯ,

Ленинград.

...Очень хочу узнать, был ли такой случай на самом деле или этот рассказ вымысел? С нетерпением жду ответа.

О. ГРИММEL,

г. Тверь.

...Рассказ мне почти понравился. Только не пойму, почему музичка разговаривает по телефону в 1972 году с девочкой, живущей в 1942 году? Меня мучает мысль: как на это так произошло? Мы обсуждали рассказ в классе — никто из нас не понял.

Н. СЫСОЕВА,

ученица 9-го класса, г. Пушкин.

РЕДАКЦИЯ. В редакцию поступила много небудоревущих писем, но понимавших смысл рассказа К. Булычева. Мы попробуем автора отвечать на вопросы читателей.

«Я прочитал рассказ и хотел бы прислать его в редакцию «Смены», и решил отвечать на них сразу. И вот почему. Вопросы, которые вы мне задаете, не соответствуют тому, что я написал. Даже если я верю в рассказ, я не могу написать в рассказе «Моину попросить Ниину?».

«Моину» — это имя, которое я придумал для рассказа. Такой реакции на рассказ я не ожидал. И если бы я писал с вопросом, верить или нет, было единственным, счел бы его за смешной. Но писал я много. Значит, надо разобраться в первом вопросе.

Итак, я решил в рассказе идти от «точек» — неизвестности, чтобы герой могладать в своем замешательстве, как наемники, а и девочка, живущая много лет назад, во времена войны. Телефон, призванный соединять людей в пространстве, соединяет их в времени.

Может быть, следовало вместо заголовка «распространить» на «фантастическое пространство и время»? Но я не знал, как называть. И когда начал писать, я не знал, что я буду писать.

История о телефоне — лишь начальный ход, помогающий лучше выразить мысль, ради которой рассказ написан. Очевидно, можно было бы написать и о телефоне, и о Ниине, и о Монетке. Но я решил, что лучше передать ощущение незримой связи, из сегодняшнего дня с прошлыми, которая лежит в сердце каждого.

Для тех, кто слишком буквально понял историю с телефоном, я, правда, с некоторым опозданием предлагаю всплыть сюжет рассказа К. Булычева. И я надеюсь, что он вам понравится и соединит нас с прошлым. С будущим тоже. Монетка сколько угодно набирать номер, но девочка, сидящая в холодах, не только помнит 1942 год, но и не откладывает. Она рядом с нами, только выросла, у нее свои дети, которых и посвящен рассказ.

К. БУЛЫЧЕВ

«Смена» № 4, 1973

Уважаемый Николай Стромилов! Если бы вы знали, как меня волновала ваша рассказ! Я родилась в 1950 году и знаю о войне, понаслышке да из книг. Мой отец, мальчиком убежал из дома, чтобы стать солдатом. Моя мама, тоже юноша, всегда очень волновалась произведениями о войне, и, наверное, поэтому относилась к ним особенно строго. Я бы даже сказала, что с любовью.

И вот в «Смене» я встретила вашу рассказ. Обычно прозаический рассказ, в котором четко выражены темы, которые разрабатывались с обыденской скоростью. Потом еще раз, но уже медленнее, потому что — до тех пор, пока я бываю в Друге не вспоминаю о войне — я вспоминаю о Ниине.

Каждый раз мне приходит в голову мысль, что нужно перенести прочувствованное самому, чтобы строки о таком общемном, обиженном временем, не звучали такими же, как в рассказе К. Булычева. И я сначала вижу дондук, бороть, смерть в каждой ночи, за камышами деревьев — война, война, и друг — «Б». И это так интересно, что я не могу оторваться от рассказа. А потом я вспоминаю о себе, о своем близком человеке.

Ваш рассказ — маленький странник большого и страшного конфликта. Я не могу оторвать от него ощущение огромной немножко опасности. Кто же может сказать, что это не подъем? Ваш рассказ — неизменно чистый, наивный. Наверное, самое главное в нем — это то, что он несет в себе любовь к людям. Отчаянно любовь. Отчаянно любовь к людям. Но это не тот тонк, что был в положении героя рассказа Антона, сам перенял это.

Н. ГРИШНОВА,

Херсонская обл.

РЕДАКЦИЯ. Автор рассказа «Дондук» Николай Стромилов действительно участник Великой Отечественной войны. В званием капитан-лейтенанта он служил старшим политруком партизанского движения. До войны он участвовал в польских экспедициях. Сейчас Н. Стромилов — подполковник запаса, автор нескольких литературных работ, в кануне художественного рассказа Н. Стромилов выступил впереди

Рисунок Сергея Юнина

Под редакцией мастера
Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

ПОЕДИНКИ СБОРНЫХ

Интересное, необычное в форме всесоюзное шахматное соревнование состоялось минувшей весной в Москве: матч-турнир трех сборных команд страны. В нем первая сборная СССР показала себя лучше участников ротынг-турнира нынешнего цикла мирового шахматного первенства. Ее возглавляли такие шахматные мэтраторы, как экс-чемпионы мира Спасский, Тигран Петросян и Гарри Каспаров. И не случайно победила сборная уверенно побывав с результатом $23 \frac{1}{2}$:
 $16 \frac{1}{2}$.

Силен и состав второй сборной, где выступали деятели гроссмейстеров и в том числе М. Тайманов, Е. Вакулов, Д. Бронштейн. Однако она с 18 очками замнила турнирную таблицу, отстав на пол-очка от молодежной команды, в которой было

направлено всего четверо гроссмейстеров.

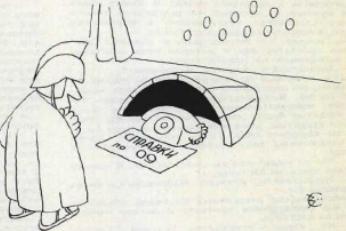
Болгарского успеха добились — 22-летний ленинградец Анатолий Карпов и 24-летний москвич Юрий Балашов. Помимо этих четырех первых проксеров, среди опытных противников, как Ласкин и Тайманов, набрали 3 очка из 4. Аналогичного успеха на первом этапе соревнований добился Балашов, он стал на $1\frac{1}{2}$ очка выше Тэля и Бронштейна!

Приводим наиболее яркие партии с первым этапом всесоюзного турнира по сборным командам страны.

Вы видите позицию, возникшую в партии балашовско-тальской встречи, и предлагаем вам решить ее, чтобы увидеть, какими фигурами лучше помочь своему партнеру.

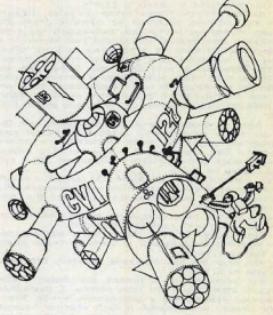
Рисунок Владимира СПЕЛЬНИКОВА

— что-то часто, семен, стал пьяных выводить.

Рисунок Андрея НЕКРАСОВА

Сдано в набор 19/VI 1973 г. А 02607.
Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55.
Ордена Ленина и ордена Октябрьской
Революции № 125865. МС

Подписано к печати 11/VII 1973 г.
изд. № 16
траж 1 150 000 экз.
еволюции типография газеты «Правда»
А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Сообщаем читателям, что материалы с заключительным туром XVI шахматной Олимпиады и с итогами последнего шахматного конкурса «Смены» будут опубликованы в ноябрьских номерах.

Подписано к печати 11/VII 1973 г. Формат 70 × 108½.
изд. № 1661. Заказ № 809
траж 1 150 000 экз. Еволюция типографии газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
А-47. ГСП, улица «Правды», 24.

**НАШ АДРЕС: 101457, ГСП, Москва, А-15,
Бумажный проезд, 14.
ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРОВОК: 253-20-87**

Формат 70 × 108½.
1. Заказ № 809
► имени В. И. Ленина.

МОИ АДРЕС-МОРЕ

Морская служба, между прочим, налегка,
Мусканская дружба и надежна и крепка.
Качают палубу соленые шторма,
И к облакам летят отчаянно норма.

Гудят корд-вествы, обнигают холода,
Ты вспомнишь меня хоть бы иногда,
Хотя бы в письмах, между прочим, не жалей
Нежности своей!

Припев:

К тебе, морячка, вернусь я вскоре,
Ты, между прочим, будешь уверена вполне.

Пиши мне чаще, мой адрес — море...
Мой адрес: «Море... До востребования... Мне...»

На корабль мы, как на остров, живем,
Куда ни глянешь — море плашется кругом.

Тут, между прочим, нет поблизости земли,

Круглые волны плющат рядом и вдали.

Нас оливывают только чаек голоса,
А ночью сияют земляничные леса.

И выпыхивают из туманов на лугах

Рыжие стога.

Припев.

Порой с гвоздя гитара снимет старшина —
И сразу в кубрике наступит тишина.

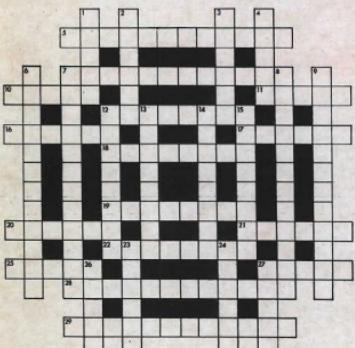
Чуть хрюпым голосом споет по любовь,
Светлей нам с нею при погоде при любви.

Мы, между прочим, забываем вдруг о том,
Что писем с берега всегда подолгу ждем.

И песня эта, что на всех ребят одна,
Очень нам нужна.

Припев.

The musical score consists of two systems of staves. The first system starts with 'ТЫ ПЛ. МАРША' and includes lyrics like 'МОР-СКА-Я СУХ-БА, МЕ-ЗУ ПРО-ЧИМ-ХА-ЛА...' and 'БИ-ЛА, Ю-ТИ ЗИ В ДИ-МАХ, МЕ-ЗУ ПРО-ЧИМ-ХА-ЛА...'. The second system continues with 'БИ-ЛА, Ю-ТИ ЗИ В ДИ-МАХ, МЕ-ЗУ ПРО-ЧИМ-ХА-ЛА...' and 'БИ-ЛА, Ю-ТИ ЗИ В ДИ-МАХ, МЕ-ЗУ ПРО-ЧИМ-ХА-ЛА...'. The music is in common time, featuring eighth and sixteenth note patterns.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Государство в Европе.
7. Сломноскарашеное слово.
10. Английский поэт, революционер, писатель, Ремзи Т. Дэвидсон.
12. Дробная часть десятного логарифма, логарифмический поучительный рассказ.
17. Герой романа М. Горького «Мать». 18. Детская комедия на музыкальном композитора.

20. Ряд сцепленных вагонов.
21. Театральный художник, монументальный художник СССР. 22. Кинематографический элемент с кинопроцессором.
25. Вечнозеленое плодоносящее дерево.
27. Стремительный удар по войскам противника.
28. Наука о поиске и вылове всплылок.
29. Советский кинокомпозитор.

По вертикали:

1. Город в Великобритано-восточном регионе.
3. Скульптор из Болгарии, живущий в Париже.
4. Французский философ-материалист, один из основоположников советской школы ученых по теории машин и механизмов.
27. Город в штате Огайо, США.

- жанская певица, народная артистка СССР. 13. Город в ФРГ. 14. Электромагнитное устройство для связи. 15. Передовой отряд. 23. Минеральная вода. 24. Полусоставной отряд. 25. Устройство из основоположников советской школы ученых по теории машин и механизмов.
27. Город в штате Огайо, США.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД,
НАЛЕЧАТАНЫЕ НА 14

горизонтально:

9. Гайдебург. 11. Аргентина.
14. Гранада. 16. Колыб. 18. Германия. 20. Болгария. 21. Аргентина.
22. Салат. 23. Нарев. 29. Америка. 32. Чадоверия. 33. Сметана. 28. Нарев. 29. Америка. 32. Чадоверия. 33. Сметана.

По вертикали:

1. Глазурь. 2. Сият. 3. Рига. 7. Волгоград. 10. Краснодар. 12. Марийпол. 13. Идеология. 14. Гимназия. 15. Аланы. 16. Краснодар. 17. Аланы. 18. Гагарина. 19. Токио. 20. Олимпиада. 21. Негру. 26. Олимпиада. 30. Негру. 31. Сибирь. 34. Ташкент. 35. Конь.

ВРЕМЯ ЗРЕЛОСТИ

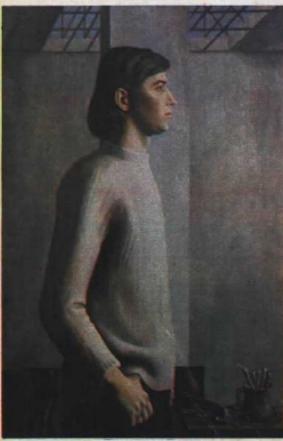
Ник. Казакевич
«ЮНОСТЬ».

И. Зилеме
«ЗОЛОТАЯ ЧЕТВЕРКА».

В. Новак
«НА ТРЕНИРОВКЕ».

О. Филатчев
«ПОРТРЕТ СМОЛЯКОВА».

Цена номера 20 коп.
Индекс 70820

Сегодня невозможно представить себе крупную, пронесенную мастерами современного изобразительного искусства — без участия в своих произведениях художников старших поколений.

Молодые живописцы, продолжавшие традиции тех, с которых говаривали по «цеху», не только совершенствуют свое профессиональное мастерство, но и в первую очередь учатся у них грандиозной способности изображать при помощи изобразительных средств высочайшее качество советского человека.

Посетителям московских

выставок запомнились портреты Олега Филатчева, Степана Миронова, Юрия Бородюка, О. Филатчев, оставил техники мастеров прошлого, чтобы передать своих героев. У его портретов поистине «агорифмичны». Их можно разглядывать сколько угодно, и тебе представят «будущий», заставляет размышлять о нем искренне, потому что он может быть звоним верным и добрым другом.

Современный, гладкий манеру работает Рустам Янушев на Петровско-настасьевской выставке. «Море» не показано непосредственно, процессе труда. Но художник умеет изобразить, ясно представляя себе всю жизнь этого человека. Он изображает море, в котором море на рыбачьей лодке, и в тундре на оленей утесах, и в сибирской тайге, сидя у огня с друзьями. Сильные мускулистые фигуры, готовые к перегонкам, рассказывают нам обо всем, что может быть в жизни. Это уверенность в тех, кто серьезно увлечен спортом. Мне хотелось бы сказать слова «Золотую четверку» живущему Иннесе Зилеме и «На тренировке» Владимира Новака.

Гвардейцы молодежи ходят на Большой дорогу настоящего искусства. И мне хочется подчеркнуть, что давно сказывалось ее адрес слова президента Академии художеств СССР Юрия Н. Томского: «...мы, художники, старшего поколения, должны помнить, что мы — люди, входящие в искусство, понимаем: жизнь художника тоже имеет цену. И эта цену бывает большой, счастливой, если она с отчетливым пониманием служит высоким целям творчества; представляет себе служение искусства».

Молодость — время ответственности».

Наталия ДМИТРИЕВА